

Фундаментальная

1948
1948
1948

Н. С. Илларионовъ.

I
И44

ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

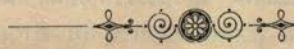
- 1) Очередь отношеній обычнаго права къ законодательствамъ.
- 2) Значеніе обычнаго права въ народномъ судѣ.

57224к. гр. чр.

1-ый Ленинградский
Юридический институт
БИБЛИОТЕКА

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Матеріалы по изученію обычнаго права у крестьянъ
Харьковскаго уѣзда и программа.

~~ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННАЯ~~

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17.

1894.

1894

Н. С. Пидринов

ОЧЕРКЪ

Отдѣльные оттиски изъ Харьковскаго Сборника, вып. 8, 1894 г.

СПЕКУ

ХАРЬКОВЪ

1894

О Ч Е Р К Ъ

ОТНОШЕНІЙ ОБЫЧНАГО ПРАВА КЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМЪ.

Въ изложеніи науки гражданскаго права и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ по гражданскому праву ученые, какъ русскіе, такъ и западно-европейскіе, разсматривая право въ его историческомъ развитіи, указываютъ, какъ на органы и силы, воспроизводящія народно-юридическія воззрѣнія и облакающіе ихъ въ опредѣленно-выраженныя жизненныя формы, на два источника—обычай и законъ.

Обычай по времени предшествуетъ закону, наблюдается у всѣхъ народовъ уже на первыхъ ступеняхъ общественной жизни, составляетъ первичную форму, въ которой проявляется народное правовое убѣжденіе и, находясь подъ воздѣйствіемъ много-различныхъ факторовъ физическаго и духовнаго характера—географическаго и климатическаго условій страны, занимаемой народомъ, формы общественной жизни народа, большей или меньшей развитости въ отношеніяхъ промышленно-экономическомъ, научномъ, художественномъ, нравственномъ, религіозномъ, является непосредственнымъ произведеніемъ творческой силы народнаго духа, продуктомъ народнаго склада ума, воли и чувства ¹⁾).

Естественно-историческія условія происхожденія обычая, отражая въ немъ со всею полнотою индивидуальныя особенности

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методы и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 14.

даннаго народа, придають и самому обычному праву строго національный характеръ, который затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи общественной и государственной жизни народа, отражается и на законодательной дѣятельности государства. Начало національнаго происхожденія обычнаго права признаеть и великій ученый Савиньи; онъ первый проникъ во внутреннюю природу права и ясно изложилъ свои наблюденія въ великомъ трудѣ: „О призваніи нашего времени въ отношеніи къ законодательству“. Вотъ что онъ говоритъ о природѣ, развитіи и функціи права: „всюду, гдѣ только мы находимъ документальную исторію, тамъ гражданское право уже имѣеть опредѣленный характеръ, свойственный данному народу, какъ и его языкъ, нравы и учрежденія. Эти явленія не имѣютъ своего обособленнаго бытія: это только отдѣльныя силы и дѣатели, по природѣ своей нераздѣлимо соединенные и только нашему наблюденію являющіеся въ видѣ особыхъ функцій. Ихъ сплавиваетъ въ одно цѣлое общее убѣжденіе народа, одинаковое сознаніе ихъ внутренней необходимости, которое исключаетъ всякую мысль объ ихъ случайномъ и произвольномъ созиданіи“. Нѣсколько ниже онъ продолжаетъ: „эта органическая зависимость права отъ сущности и характера народа постоянно сохраняется. Въ этомъ отношеніи право можно сравнить съ языкомъ. Какъ въ языкѣ, такъ и въ правѣ нѣтъ и минуты безусловнаго застоя, оно подвержено тому же движенію и развитію, какъ и всякая иная дѣятельность народа, и это развитіе подчиняется одному и тому же закону внутренней необходимости... Право такимъ образомъ, вмѣстѣ съ народомъ, растетъ, развивается и умираетъ лишь съ утратою народомъ его личности“¹⁾).

Указавъ въ общемъ на характеръ и происхожденіе обычнаго права, перейдемъ къ обзорѣнню отношеній обычнаго права въ разныхъ государствахъ къ закону и начнемъ наше обзорѣніе съ Римскаго государства, въ виду того, что римское законодательство, по времени своего возникновенія и по своимъ высокимъ достоинствамъ, имѣло громадное вліяніе на законодательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ новаго времени.

¹⁾ Ueber den Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung, стр. 8, 11.

Въ первомъ періодѣ римскаго государства, который принято считать отъ древнѣйшихъ временъ до составленія Двѣнадцати таблицъ, римское право все почти состояло изъ обычаевъ, которые частью проникли во вновь возникшее государство, уже готовые и сложившіеся, изъ различныхъ странъ Италіи, вмѣстѣ съ переселившимися оттуда племенами, а частью возникли на почвѣ самаго Рима. При дальнѣйшемъ развитіи римскаго права совершенно изгладилось первоначальное различіе обычаевъ и всѣ они слились въ одинъ римско-національный юридическій бытъ. Обычное право, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Марецоль¹⁾, вообще всегда составляетъ первую основу всякаго положительнаго права. Не подлежитъ сомнѣнію, что и римское обычное право имѣло весьма важное значеніе въ развитіи положительнаго римскаго права. По замѣчанію Мэна, римское право исходитъ изъ небольшого числа арійскихъ обычаевъ, которые были изложены въ письменной формѣ въ V столѣтіи до Р. X. и сдѣлались извѣстными подъ именемъ законовъ XII таблицъ²⁾. „У Римлянъ, говоритъ Пахманъ, какъ и вездѣ, первоначальною формою права были обычаи (*mos majorum*), какъ юридическія правила, возникающія и развивающіяся изъ самой жизни народа“³⁾. Въ законодательныхъ памятникахъ римскаго права объ отношеніи обычнаго права къ закону находимъ такія опредѣленія (фрагментъ Юліана въ Дигестахъ L. 32. D. de leg. I, 3): „въ тѣхъ случаяхъ, когда не примѣняются писанные законы, надлежитъ сохранять то, что введено нравами и обычаями, при отсутствіи которыхъ наблюдается ближе соответствующее природѣ нравовъ и обычаевъ, а если и это ни къ чему не поведетъ, то примѣняется право, дѣйствующее въ Римѣ. § 1. Не безъ основанія укоренившійся обычай охраняется наравнѣ съ закономъ, ибо установленное нравами имѣетъ значеніе права. Основаніе обязательности для насъ законовъ въ ихъ признаніи народнымъ пониманіемъ; та же причина дѣлаетъ обязательнымъ одобренное народомъ внѣ всякой письменной формы. Какое иное значеніе придать волѣ народа, выраженной въ правилахъ и дѣй-

1) Римское гражданское право. Москва. 1867, стр. 22.

2) Древнѣйшая исторія учреждений, стр. 10.

3) Исторія кодификаціи гражданского права, стр. 4.

ствіяхъ? Поэтому вполне правильно считать за отмѣну закона не одну только волю законодателя, но и молчаливое соблюденіе всѣми противоположнаго⁴⁾.

Отъ древняго Рима переходимъ къ тому циклу новыхъ народовъ, которому усвоено общее названіе міра римско-германскаго, и остановимся прежде всего на Франціи.

Въ древнюю Галлію вмѣстѣ съ владычествомъ Римлянъ проникло и римское право, которое не исчезло и послѣ того, какъ господство Рима въ Галліи уже прекратилось, вслѣдствіе нашествія народовъ германскаго происхожденія (Франковъ, Готовъ, Бургундовъ), образовавшихъ отдѣльныя государства. Завоеватели устроили свой бытъ на основаніи своихъ юридическихъ обычаевъ, но, въ силу древняго нѣмецкаго принципа „*quemlibet sua lege vivere*“, не препятствовали туземному населенію Римлянамъ и въ особенности духовенству, которое долгое время пользовалось римскимъ правомъ. Обычныя юридическія нормы, которыми регулировались юридическія отношенія завоевателей германскаго племени первоначально, какъ и у всѣхъ народовъ, начинающихъ историческую жизнь, хранились въ народномъ сознаніи; впоследствии же, въ V и VI столѣтіяхъ, они были сводимы въ сборники, извѣстные подъ именемъ *leges barbarorum*. Такіе сборники юридическихъ обычаевъ были у Франковъ, Бургундовъ, Аллемановъ и другихъ. Впоследствии всѣ эти народы вошли въ составъ королевства Франковъ.

Франція, по источникамъ дѣйствовавшего въ ней права, дѣлилась на двѣ части: страну писаннаго права и страну обычнаго права. Это различіе основывалось на дѣйствиі римскаго права: однѣ земли назывались территоріями обычнаго права, другія носили названіе земель писаннаго права. Это дѣленіе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто въ одной части Франціи дѣйствовало исключительно римское право, въ другой—только обычное право; большая часть юристовъ, парламентская практика принимали это дѣленіе въ томъ смыслѣ, что въ земляхъ писаннаго права римское право господствовало, какъ законъ, имѣло преобладающее значеніе и дѣйствіе въ обычаяхъ, считалось постоянно общимъ правомъ—*jus scriptum*, а въ зем-

¹⁾ Шахманъ. Исторія кодификаціи гражданскаго права, стр. 35—36.

ляхъ обычнаго права оно не имѣло силы закона и приобрѣло значеніе субсидіарнаго, вспомогательнаго, второстепеннаго права путемъ судебной практики и сочиненій юристовъ; оно примѣнялось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстные обычаи оказывались недостаточными. Указанное дѣленіе установилось само собой, такъ какъ въ Южной Франціи, вслѣдствіе ея положенія близъ Италіи и разныхъ другихъ обстоятельствъ, римская культура и римское законодательство получили преобладаніе надъ пришлымъ элементомъ; напротивъ, въ Сѣверной Франціи преобладающимъ элементомъ явилось право германскаго происхожденія. Въ Сѣверной половинѣ Франціи съ теченіемъ времени обычное право, корень котораго былъ одинъ и тотъ же, развѣтвилось по національностямъ, такъ что образовалось нѣсколько группъ обычнаго права.

Въ половинѣ XV столѣтія, при Карлѣ VII, послѣдовало повелѣніе сдѣлать сборники обычнаго права, которые, по утвержденіи ихъ королемъ и сословіями, должны были получить силу закона, каждый въ той мѣстности, изъ обычаевъ которой онъ былъ составленъ. Въ силу этого повелѣнія дѣйствительно стали составляться сборники обычнаго права (*coutumes*), которые отъ времени до времени были исправляемы и въ исправленномъ видѣ вновь публикуемы. Число этихъ *coutumes* было весьма значительно. По пространству дѣйствія они раздѣлялись на *coutumes générales* и *coutumes locales*; первыхъ насчитываютъ до 60, а вторыхъ до 300. Во время Людовика XIV наряду съ римскимъ и каноническимъ правомъ введено было въ университеты и право французское, какъ одинъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія ¹⁾. Исторически-развившееся обычное право Франціи дѣйствовало во всей своей силѣ до революціи, разразившейся въ концѣ прошлаго столѣтія, и формально отмѣнено было декретомъ 30 Вентоза XII г. респ., т. е. 21 марта 1804 г., статья седьмая котораго говоритъ: „со дня, въ которой должны вступить въ силу законы, составляющіе *code civil*, римскіе законы, ордонансы, общіе и локальные обычаи, статуты, регламенты теряютъ силу общаго или частнаго закона по тѣмъ

¹⁾ Карсевичъ. Гражданское обычное право Франціи въ исторіи его развитія 1875, стр. 485—86.

предметамъ, къ которымъ относятся законы, составляющіе code civil. Однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ code civil было обычное право. Насколько позаимствованъ code civil изъ прежняго обычнаго права, интересныя указанія даетъ Порталисъ, одинъ изъ редакторовъ кодекса. Онъ говоритъ слѣдующее: „мы примирили писанное право и обычай въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ казалось возможнымъ соединить ихъ опредѣленія или видоизмѣнить одно другимъ, не нарушая единства системы и не отступая отъ общаго духа. Въ числѣ нашихъ обычаевъ, безъ сомнѣнія, есть такіе, которые носятъ на себѣ печать нашего первоначальнаго варварскаго состоянія, но есть также и такіе, которые дѣлаютъ честь мудрости нашихъ предковъ, которые составляли національный характеръ и достойны наилучшихъ временъ. Мы отреклись отъ тѣхъ обычаевъ, духъ которыхъ исчезъ передъ другимъ духомъ, буква которыхъ представляетъ постоянный источникъ нескончаемыхъ споровъ, отъ обычаевъ, которые противорѣчатъ, какъ разуму, такъ и нашимъ правамъ“.

Съ изданіемъ кодекса, конечно, непосредственная жизнь обычнаго права въ народѣ французскомъ не прекратилась. Прежнее право отчасти вошло въ кодексъ, отчасти продолжало дѣйствовать въ непосредственной своей формѣ, видоизмѣнившись въ своемъ содержаніи; мало того, съ новыми жизненными отношеніями и новымъ порядкомъ вещей возникло и новое обычное право, но, какъ старое, такъ и новое обычное право получили значеніе второстепенное, субсидіарное, дополнительное наряду, съ кодексомъ. Самъ кодексъ призналъ дѣйствіе обычаевъ въ слѣдующихъ статьяхъ: 790, 591, 593, 608, 645, 663, 671, 674, 1135, 1159, 1160, 1645, 1736, 1753, 1754, 1758, 1759, 1762, 1774 и 1777. Въ этихъ случаяхъ нарушеніе судомъ постоянно соблюдаемаго обычая есть поводъ къ кассациі рѣшенія, въ нарушеніе его постановленнаго.

Въ Германіи въ отношеніи источниковъ права на первыхъ страницахъ исторіи наблюдаются тѣ же явленія, о которыхъ упомянуто выше по отношенію къ Франціи; германскіе народы, населившіе Германію, жили по своимъ обычаямъ и по основаніи королевствъ въ тѣхъ областяхъ, которыя принадлежали прежде Римлянамъ, руководились общимъ въ то время принципомъ,

указаннымъ по отношенію къ Франціи, т. е. не вводили насильно своего права у покоренныхъ народовъ. На этомъ основаніи у послѣднихъ продолжало дѣйствовать римское право, у Германцевъ же дѣйствовало ихъ національное право.

Главными источниками при изученіи Германскаго обычнаго права служатъ описаніе нравовъ Германцевъ Тацитомъ и различныя „Правды“. Описаніе Тацита, сдѣланное въ концѣ I-го вѣка по Р. Х., представляетъ цѣлую картину соціального и правового быта Германцевъ и отличается своимъ спокойнымъ и правдивымъ разсказомъ. Многіе нравы и обычаи, указанные Тацитомъ, сохранились и въ позднѣйшее время, находятъ себѣ подтвержденіе, обнаруживаютъ сродство и сходство съ обычаями, засвидѣтельствованными Салической правдою въ ея различныхъ послѣдовательныхъ редакціяхъ и другими народными правами.

Съ пятого по восьмое столѣтія составляютъ сборники германскаго права—*leges Barbarorum*, въ которыхъ отразилось національное обычное право Германскихъ племенъ; въ нѣкоторыхъ же государствахъ были составлены сборники для подданныхъ Римскаго происхожденія, извѣстные подъ именемъ *leges Romanae*. Право отдѣльныхъ государствъ германскихъ въ средніе вѣка не отличалось рѣзко одно отъ другого, такъ какъ оно развилось изъ однихъ и тѣхъ же началъ.

Въ XIII столѣтіи появились сборники этого права (Саксонское и Швабское зеркала), составленные частными лицами, но получившіе силу и въ судахъ, и не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, для которыхъ они были предназначены, но и за ихъ предѣлами. Рядомъ съ такими сборниками, имѣвшими болѣе общее значеніе, являлись мѣстные, а также сборники законовъ отдѣльныхъ городовъ. Къ этому же періоду времени относится принятіе въ Германіи римскаго права, которое было признано, какъ общее нѣмецкое право, и принято практиками. Существованіе общегерманскихъ обычаевъ при первоначальномъ появленіи римскаго права говоритъ Виндтшейдъ ¹⁾ признано было неохотно и въ ограниченной степени. Только мало—по—малу укоренилось убѣжденіе, что и общегерманскіе обычаи есть та-

¹⁾ Виндтшейдъ. Учебникъ. Пандектнаго права, стр. 6.

кое же національное право, какъ и это чужое право. Вообще въ теченіе всего развитія германскаго права, начиная отъ принятія римскаго, отечественное право непрестанно обращаетъ на себя вниманіе и получаетъ все большее и большее признаніе. Неоцѣнимое содѣйствіе этому направленію оказала историческая разработка германскаго права, которая пробудилась въ срединѣ XVII столѣтія и все болѣе и болѣе процвѣтаетъ съ начала нынѣшняго столѣтія. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ началѣ XVIII столѣтія стали и вышнимъ образомъ отдѣлять матеріалъ германскаго права отъ римскаго, не только въ университетскихъ лекціяхъ, но и въ сочиненіяхъ. Преподаваніе нѣмецкаго права вошло еще въ прошломъ вѣкѣ въ курсы нѣкоторыхъ университетовъ Германіи, но далеко не какъ предметъ равный римскому праву. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно сдѣлалось предметомъ вполне самостоятельнымъ.

Прусское земское уложеніе исключаетъ дѣйствіе обычнаго права, какъ источника права, допуская однако обычаи (*praeter legem* и даже мѣстные провинціальныя обычаи—*contra legem*), если они имѣли при обнародованіи *allg. Landrecht* въ 1794 году обязательную силу. Въ случаѣ неполноты и недостаточности закона, судья, при постановленіи рѣшенія, долженъ обратиться прежде всего къ существующимъ по разсматриваемымъ предметамъ обычаямъ, при недостаточности которыхъ основываетъ рѣшеніе на общихъ началахъ законодательства, принимая во вниманіе изданныя въ подобныхъ случаяхъ повелѣнія. Здѣсь признано широкое значеніе обычнаго права въ смыслѣ *jus dispositivum*, которое далѣе служитъ руководствомъ истолкованія воли лицъ, какъ въ этомъ согласны юристы прусскіе.

Подобно Прусскому земскому уложенію, Австрійское гражданское уложеніе не признаетъ обычнаго права въ значеніи источника права. Но въ Австріи судья долженъ, усмотрѣвъ изъ соглашенія сторонъ желаніе ихъ, явное или подразумеваемое, примѣнить мѣстный обычай, прійдти къ заключенію, что они хотѣли въ данномъ случаѣ руководствоваться мѣстнымъ обычаемъ. Здѣсь это одно лишь чисто фактическое отношеніе, недопускающее обычнаго права въ значеніи *jus dispositivum*,

но придающее ему значеніе руководства судьи въ истолкованіи сдѣлокъ сторонъ.

Саксонское гражданское уложеніе уклоняется отъ признанія значенія обычнаго права, какъ *jus dispositivum*, не признавая его вовсе въ значеніи источника права.

Такъ, въ § 28 этого уложенія говорится: „обычаемъ законы не могутъ быть ни отмѣняемы, ни измѣняемы, равно не могутъ быть вводимы новыя постановленія, имѣющія силу закона. Насколько права могутъ быть устанавливаемы волею участвующихъ лицъ, настолько должны быть принимаемы въ соображеніе и обычаи, если слѣдуетъ предположить, что участвующія лица желали соблюсти обычаи, въ подобныхъ случаяхъ соблюдаемый“. ¹⁾

Скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи обычнаго права къ законодательству въ Англіи.

Первоначальные обитатели нынѣшней Англіи—Кельты, жили по своимъ народнымъ юридическимъ обычаямъ. Послѣ покоренія ихъ римлянами и туземное право подверглось вліянію римскаго права. По прекращеніи въ Британіи римскаго владычества, туда являются народы германскаго племени—англы и саксы (въ V ст.), которые основываютъ нѣсколько королевствъ, затѣмъ датчане (IX ст.) и, наконецъ, норманы (XI ст.). Каждый изъ этихъ народовъ принесъ съ собою свои юридическіе обычаи, которые, вмѣстѣ съ постановленіями народныхъ собраний, стали собирать въ сборники. Послѣ покоренія Англіи норманами, туземное законодательство не было уничтожено, но оно естественно должно было потерпѣть измѣненіе вслѣдствіе государственнаго устройства Англіи, въ которую норманы принесли феодальную систему. Съ покореніемъ Англіи норманами, она уже не испытываетъ болѣе вторженія чуждыхъ племенъ и съ этого времени англійское право начинаетъ постепенно слагаться въ опредѣленную форму, причемъ право нормановъ одерживаетъ перевѣсъ надъ туземнымъ правомъ. Въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій разнородные племенные элементы сплотились въ одно цѣлое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выработалось самостоятельное, извѣстное подъ именемъ общаго закона, обычное право, въ составъ котораго вошли и

¹⁾ Саксонскіе гражд. законы. Изданіе редакціонной Коммисіи 1885 г.

обычаи англо-саксонскіе и норманскіе, отчасти съ примѣсю римскаго и каноническаго права, которое проникло въ Англію вмѣстѣ съ введеніемъ тамъ Христіанства. Въ XIII ст. появляется новый источникъ англійскаго права—статуты, подъ которыми разумѣются утвержденныя королемъ постановленія парламента; статуты не вытѣснили обычнаго права, оно не утратило своей силы и постоянно развивалось и пополнялось судебною практикою. Въ настоящее время также въ Англіи рядомъ существуетъ два права: общее, т. е. обычное, и статутное. Отношеніе между статутнымъ и общимъ правомъ таково, что изъ нихъ первое подчиняется послѣднему и не можетъ противорѣчить ни ему, ни magna charta. Какъ изъ статутовъ, такъ равно изъ обычаевъ въ разное время составлялись официальные и частные сборники. ¹⁾

Изложивъ краткій очеркъ отношенія обычнаго права къ законодательству у народовъ романо-германскаго происхожденія, перейдемъ къ разсмотрѣнію отношенія обычнаго права къ законодательству славянскихъ народовъ.

Славянскіе народы, по складу ихъ характера, историческимъ судьбамъ, территоріальнымъ, климатическимъ, этнографическимъ, психологическимъ, экономическимъ, социальнымъ и политическимъ условіямъ жизни и развитія, во многомъ отличаются отъ другихъ европейскихъ народовъ, почему и славянское право имѣетъ свои національныя особенности. Славяне, проявляя свое правосознаніе по преимуществу въ формѣ обычая, дорожили имъ, охраняли его отъ чуждыхъ вліяній и, управляясь весьма долгое время обычнымъ правомъ, развили это право въ такой полнотѣ и опредѣленности, что изученіе его даетъ богатый матеріалъ для науки права вообще и русскаго въ особенности.

Славяне являются въ историческое время осѣдлымъ народомъ, знакомымъ очень рано (уже во время Геродота) съ земледѣліемъ и даже городскимъ бытомъ. Они жили при самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ и бытовыхъ условіяхъ ²⁾. Изъ разсказа Нестора и другихъ лѣтописцевъ и историковъ видно, что славяне расселились и жили группами, разбросано, смотря по

1) Пахманъ. Исторія кодификаціи, стр. 40—48.

2) Леонтовичъ. Исторія русскаго права, стр. 89.

удобствамъ поселенія — по рѣкамъ, въ лѣсахъ и пр.; отличительною чертою славянскаго племени служить разобщенность и внутренняя рознь, хотя общимъ объединяющимъ началомъ было то, что все они жили по обычаямъ предковъ, по правдѣ, закону вѣчно жизненныхъ боговъ. Въ понятіе правды входили безразлично законъ и обычай. По словамъ Прокопія и Константина Порфиророднаго, славяне имѣли свои законы, подъ которыми разумѣлись собственно народные обычай. Несторъ въ своей лѣтописи сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о старыхъ славянскихъ обычаяхъ. По его словамъ славяне „имяху бо обычай свои и законъ отецъ своихъ, и преданья каждо свой нравъ“. Славяне не дѣлали никакого существеннаго различія между закономъ и обычаемъ, отождествляли ихъ, какъ понятія, имѣвшія одно и то же значеніе. Южные славяне доселѣ называютъ юридическіе обычай законами. Наши крестьяне и въ настоящее время не отличаютъ обычая отъ закона и, ссылаясь на обычай, обыкновенно въ судѣ говорятъ: „судите по закону“. У насъ различіе между обычаемъ и закономъ явилось позже, въ эпоху усложненія юридическихъ отношеній, когда обычное право стало оказываться несостоятельнымъ и образовались законодательные органы, создавшіе постепенно систему законовъ въ собственномъ смыслѣ. Почти до Московскаго періода подъ законами разумѣлись тѣ же обычай, изложенные письменно. Болѣе строгое разграниченіе закона отъ обычая принадлежитъ Московскому законодательству. У славянскихъ народовъ съ особенною рельефностью выясняется то положеніе, что древнѣйшіе памятники законодательства служатъ непосредственнымъ отраженіемъ современнаго имъ и предшествовавшаго имъ обычнаго права.

Чехи въ ряду другихъ славянскихъ племенъ весьма долгое время руководствовались правилами обычнаго права, которыя входили въ опредѣленія и рѣшенія земскаго суда, служившаго органомъ законодательной власти. Почерпнутыя изъ обычнаго права и записанныя на деревѣ законодательныя нормы получили названіе досокъ. Доски эти складывались въ особыя архивы на храненіе и такимъ образомъ накопился богатый матеріалъ, который далъ возможность въ интересахъ практическаго поль-

зованія имъ приступитъ къ составленію сборниковъ. Эти работы производились частными лицами; до нашего времени дошли слѣдующіе сборники: 1) Право земли Чешской, относящійся по мнѣнію проф. Иванишева къ первой половинѣ XII вѣка, съ содержаніемъ преимущественно процессуальнымъ; 2) Рядъ земскаго права, написанъ при Карлѣ IV на латинскомъ языкѣ, въ XIV ст. передѣланъ и переложень на чешскій языкъ; содержаніе этого сборника составляетъ уголовное судопроизводство; 3) Толкованіе чешскаго права,—составленный въ XIV в. Андреемъ Дубскимъ и содержащій уголовное и гражданское право и процессъ; 4) Девять книгъ о правахъ чешской земли, обширнѣйшій изъ всѣхъ другихъ сборниковъ, составленный Викториномъ Корнелиемъ изъ Вшегордъ въ началѣ XVI вѣка; по заявленію составителя, матеріалъ имъ былъ выбранъ изъ старыхъ сгнившихъ земскихъ досокъ¹⁾. Въ XV вѣкѣ возникла мысль о составленіи официальнаго законодательнаго сборника для всей земли. Для осуществленія этого собраны были изъ законодательныхъ актовъ, хранящихся въ архивахъ, и законодательныхъ досокъ матеріалы, на основаніи которыхъ коммисією изъ депутатовъ приступлено было къ кодификаціонной работѣ, и такимъ путемъ въ 1500 году, при королѣ Владиславѣ Ягеллончикѣ, былъ изданъ официальный статутъ чешскаго права, явившійся живымъ отраженіемъ древняго обычнаго права чешской земли. Иванишевъ, серьезно изучившій исторію чешскаго права, находить, что въ законахъ древнихъ чеховъ славянское право сохранилось въ большей полнотѣ, нежели въ законодательствахъ другихъ славянскихъ народовъ²⁾. Подобно чешскому статуту 1500 года, и Моравскіе статуты, впервые составленные въ концѣ XI вѣка, въ правленіе князя Конрада, образовались изъ старинныхъ обычныхъ правъ Моравской земли, въ соединеніи съ привилегіями этого государя³⁾.

По присоединеніи къ чешскому королевству княжествъ Опольскаго и Ратиборскаго, государственные чины послѣднихъ, въ

¹⁾ Иванишевъ Древнее право Чеховъ, стр. 107, 111.

²⁾ Тамъ-же, стр. 105.

³⁾ Н. Загоскинъ. Методы и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 38

соединеніи съ представителями княжествъ Глоговскаго, Стрже-невскаго, Словатинскаго, Козельскаго и другихъ, уложили для нихъ въ 1562 г. особые статуты, положивъ въ основу ихъ давніе обычаи и свѣдѣнія. Таково происхожденіе Слудскихъ статутовъ, которые, какъ и Моравскіе статуты, твердо стоятъ на почвѣ древняго славянскаго обычнаго права.

Древніе поляки, какъ это свидѣтельствуется польскій историкъ-юристъ В. Мацѣвскій, жили безъ письменныхъ памятниковъ законодательства, руководствовались нормами обычнаго права, которыя съ крайнею неохотою облекали въ форму писаннаго слова, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что долгое время не было полнаго собранія обычнаго права. Впервые въ 1260 г. Малая Польша, собравъ обычныя права свои, составила себѣ изъ нихъ Малопольскій статутъ, который не дошелъ до нашего времени въ непосредственномъ видѣ. Великая Польша также, основываясь на старинныхъ обычныхъ правахъ своихъ, составила Великопольскій статутъ. Затѣмъ въ 1347 году, при королѣ Казимірѣ Великомъ, изданъ былъ общій для обѣихъ частей Польскаго королевства Вислицкій статутъ, объединившій и дополнившій предшествовавшее законодательство. Приведенные законодательные памятники не обнимали всѣхъ нормъ обычнаго права польскаго народа,—какъ не въ состояніи сдѣлать это ни одинъ законодательный сборникъ; поэтому обычное право продолжало имѣть обширное примѣненіе и значительную жизненную силу и въ слѣдующія эпохи жизни польскаго народа. Такъ еще въ 1493 году король Альбрехтъ предписывалъ судьямъ сообразоваться въ юрисдикціи своей съ древними обычаями польской земли ¹⁾.

Въ древнемъ Сербскомъ королевствѣ законодательная дѣятельность обусловливалась началами обычнаго права, имѣвшими обширное жизненное примѣненіе, не только во внутреннемъ быту Сербскаго народа, но и въ юридическихъ отношеніяхъ ихъ къ иностранцамъ. Обычное право сербскаго народа получило сначала письменную формулировку въ грамотахъ, жаловавшихся королями церквамъ, монастырямъ, городамъ и общи-

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 38 и 39.

намъ, а затѣмъ оно вошло въ законникъ короля Стефана Душана. Этотъ первый общій законодательный сборникъ изданъ въ 1349 году и дополненъ въ 1854 году. Источниками Законника Стефана Душана послужили нормы Сербскаго неписаннаго права, торговые договоры съ иностранцами, хрисовулы (грамоты) предшествовавшихъ государей, имѣвшіе въ основаніи своемъ также обычное право и, наконецъ, указы самого короля Душана. Ученые Маѣвскій, Шафарикъ, Майковъ, Зигель и Леонтовичъ признаютъ Законникъ 1349 г. законодательнымъ памятникомъ, отразившимъ въ себѣ обычное право Сербской земли, а чрезъ посредство послѣдняго и коренныя начала древнѣйшаго общеславянскаго права. По присоединеніи къ Сербіи въ половинѣ XIV вѣка царства Болгарскаго и банства Боснійскаго, дѣйствіе Законника Стефана Душана было распространено и на эти земли. Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ этихъ странахъ въ эпоху самостоятельнаго существованія ихъ было собственное болѣе или менѣе развитое законодательство, въ основаніи котораго опять-таки лежало мѣстное обычное право ¹⁾.

Долѣе всѣхъ остальныхъ народовъ славянскаго племени обходились безъ письменныхъ законовъ Черногорцы, нормировавшіе всѣ отношенія юридическаго быта исключительно обычнымъ правомъ. Такъ продолжалось до самого конца XVIII вѣка и, только въ 1796 году, въ правленіе владыки Петра 1-го, составленъ былъ для Черногоріи первый сборникъ писанныхъ законовъ. Въ 1855 году появился въ Черногоріи новый уставъ князя Данила, извѣстный подъ именемъ Законника Данила 1-го, князя и господаря Черногорскаго и Бардцкаго, уже болѣе обширный, чѣмъ уставъ владыки Петра 1-го ²⁾. Въ семидесятыхъ годахъ въ Черногоріи приступлено было къ составленію гражданскаго уложенія. Работа поручена была знаменитому славянскому ученому В. Богишичу, профессору Императорскаго Новороссійскаго университета. Въ настоящее время гражданское уложеніе, вполне отразившее въ себѣ начала древняго обычнаго славянскаго права, дѣйствуетъ уже въ Черногоріи и, по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, составляетъ одинъ

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средство изуч. др. общ. права, стр. 40, 41.

²⁾ Пахманъ. Исторія кодификаціи гражд. законовъ, стр. 185.

изъ замѣчательныхъ законодательныхъ памятниковъ нашего времени.

Что же касается, наконецъ, исторіи возникновенія Хорватско-Далматскаго законодательства, которымъ регулировалась юридическая жизнь отдѣльныхъ славянскихъ общинъ, разселенныхъ по восточному и сѣверо-восточному берегамъ Адриатическаго моря, то, хотя по свидѣтельству проф. Леонтовича, ¹⁾ Хорватскіе славяне уже въ X в. имѣли свои старинные письменные законы и статуты, тѣмъ не менѣе, какъ до изданія письменныхъ памятниковъ законодательства отношенія юридическаго быта Хорватовъ регулировались нормами обычнаго права, такъ и послѣ возникновенія у нихъ писаннаго законодательства, обычаи предковъ продолжали служить основнымъ источникомъ послѣдняго. Это положеніе вполне раскроется при изложеніи исторіи происхожденія трехъ важнѣйшихъ памятниковъ Хорватско-Далматскаго законодательства, именно: Винодольскаго закона, Полицкаго статута и законовъ города Загребя. Исторія происхожденія Винодольскаго закона слѣдующая ²⁾. Жители Винодольской общины, желая сохранить на будущее время старинные законы свои, которые, не будучи до того времени формулированы письменно, жили еще въ памяти старыхъ людей,—собрались въ 1280 году на купъ (вѣче) въ Новомъ городѣ (нынѣ Нови) и здѣсь, избравъ старѣйшихъ мужей отъ всѣхъ городовъ земли своей, поручили имъ записать и свести воедино всѣ тѣ законы, память о которыхъ перешла къ нимъ отъ отцовъ и дѣдовъ ихъ, такъ какъ законы эти, какъ говорится во вступленіи къ Винодольскому сборнику: „отъ теперешняго времени и напередъ могли быть оставлены вслѣдствіе забвенія“. Такимъ образомъ Винодольскій законъ есть ничто иное, какъ сборникъ древнѣйшихъ нормъ Хорватскаго обычнаго права. Законодательный сборникъ Полицкой общины, извѣстный подъ названіемъ Полицкаго статута, является полнѣйшимъ отраженіемъ мѣстнаго обычнаго права. Этотъ законодательный памятникъ не дошелъ до насъ въ первоначальной редак-

¹⁾ Древне-Хорватско-Далматское законодательство, стр. 4.

²⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средство срав. изуч. др. обыч. права Славянъ, стр. 43, 44.

ці, а извѣстенъ въ настоящее время по позднѣйшимъ спискамъ и притомъ подвергнувшимся переработкѣ. Неизвѣстенъ далѣе и самый годъ его составленія. По предположенію проф. Леонтовича ¹⁾, Полицкій статутъ первоначальной редакціи возникъ почти современно съ нашею „Русскою правдою“. Полицкій статутъ, по словамъ того же ученаго, построенъ всецѣло на нормахъ древняго устнаго обычнаго права и служитъ замѣчательнѣйшимъ памятникомъ древнѣйшаго славянскаго быта и права, объясняющимъ весьма много темныхъ сторонъ древне-славянскаго права. Будучи самымъ живымъ отраженіемъ народнаго обычнаго права, Полицкій статутъ указываетъ, что имъ предусмотрѣны далеко не всѣ отношенія юридической жизни, а потому рекомендуетъ судьямъ руководствоваться въ практической дѣятельности своей старыми обычаями.

Третій памятникъ Хорватско-Далматскаго законодательства это—законы города Загребя, составляющіеся изъ трехъ отдѣльныхъ статутовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1242 году, послѣдній къ первой четверти XV в. Изъ этихъ статутовъ имѣетъ весьма важное значеніе для славянскаго права Загребскій статутъ 1242 г., такъ какъ онъ черпалъ свое содержаніе преимущественно изъ стариннаго обычнаго права ²⁾.

На первыхъ ступеняхъ развитія русскихъ Славянъ юридической обычай также является единственною формою проявленія идеи права, и всѣ отношенія ихъ регулируются исключительно обычнымъ правомъ. Юридическіе обычаи, существовавшіе въ каждой общинѣ, не были чѣмъ-то случайнымъ, но держались на преданіи, отличались строго консервативнымъ характеромъ. Они переходили изстари изъ поколѣній къ поколѣнію, являлись „какъ законъ отецъ своихъ и преданія“ (Несторъ). Старые обычаи хранились въ устахъ народныхъ въ видѣ „пошлины“, незамятной старины; сложившись въ теченіи вѣковъ, пошлина считалась ненарушимымъ закономъ, которымъ Славяне дорожили, какъ святынею. Общее господство обычнаго права начало ограничиваться со времени образованія у насъ общей княжеской власти, когда явились особые органы законодательства. Сфера

¹⁾ Леонтовичъ. Древнее Хорватско-Далматское законодательство, стр. 62.

²⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средства сравнительнаго изученія обычнаго права Славянъ, стр. 44, 45.

дѣйствія обычнаго права впрочемъ ограничивалась очень медленно: обычай постепенно уступалъ мѣсто закону, но удерживалъ за собою въ теченіи всей древней исторіи значеніе вспомогательнаго источника права. Первые наши уставы и законы — Русская правда, Псковская судная грамота и проч., по мнѣнію проф. Леонтовича ¹⁾, представляютъ не больше, какъ тѣ же народные обычаи, только санкціонированные письменнымъ изложеніемъ ихъ въ уставахъ и грамотахъ. Въ современномъ русскомъ законодательствѣ обычаи въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ самостоятельную силу, на сколько дѣйствія ихъ не устраняются закономъ, такъ что они какъ-бы равноправны съ самымъ закономъ, въ другихъ — восполняютъ пробѣлы законодательства. Въ смыслѣ дополненія закона въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд. говорится, что мировой судья имѣетъ право примѣнять обычаи „въ случаяхъ, положительно неразрѣшенныхъ закономъ“. Таково общее правило о восполненіи закона. Независимо отъ этого общаго начала, въ сферѣ общихъ гражданскихъ постановленій есть указаніе на возможность восполненія законовъ обычаями. Такъ, въ 1539 ст. X т. ч. I, гдѣ изложены правила о толкованіи договоровъ, сказано: „когда выраженія, въ договорѣ помѣщенные, не опредѣляютъ предмета во всѣхъ его частяхъ съ точностью, тогда принадлежности онаго изъясняются обычаемъ, если впрочемъ не опредѣлены онѣ закономъ“. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ дозволяется руководствоваться обычаями, хотя въ послѣднемъ случаѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Цитовичъ, обычай имѣетъ скорѣе знаніе обыкновенія.

Гораздо болѣе случаевъ указано въ законодательствѣ относительно примѣненія обычая въ смыслѣ замѣны закона. Такъ уже въ общемъ правилѣ для мировыхъ судей, въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд., указаны случаи замѣны закона обычаемъ при ссылкѣ одной изъ тяжущихся сторонъ. Затѣмъ допускается подобная замѣна въ торговомъ быту, напр., въ ряду законовъ о поклажѣ постановлено, что совершеніе поклажи не связывается письменною формою, когда поклажа производится по купеческому обычаю (ст. 2112 X т., 1 ч.). Точно также говорится о

¹⁾ Исторія русскаго права, стр. 105.

30235. Ред. мем. архива

подрядахъ: „заготовленіе или покупки разныхъ потребностей въ мѣстахъ заграничныхъ, равно отправленіе съ иностранными шкиперами всякихъ вещей и припасовъ за границу производить на общемъ коммерческомъ основаніи, сообразно мѣстнымъ торговымъ обычаямъ“ (ст. 1836 X т., 1 ч.). Относительно примѣненія торговыхъ обычаевъ къ торговымъ дѣламъ проф. Цитовичъ даетъ слѣдующія указанія: 1) обычай вообще примѣняется къ судебнo-торговымъ дѣламъ, а не только обычай мѣстный, какъ въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд.; 2) примѣненіе его не зависитъ отъ ссылки сторонъ, и 3) примѣненіе обычая имѣетъ мѣсто лишь при недостаточности положительныхъ законовъ ¹⁾).

Болѣе широкое примѣненіе въ смыслѣ самостоятельной юридической нормы имѣетъ обычай въ крестьянскомъ быту. Относительно крестьянскихъ обычаевъ есть болѣе или менѣе общія правила, высказанныя въ Положеніи о крестьянахъ 1861 года. Сюда относятся главнымъ образомъ прим. къ ст. 21 Общ. Пол. о крестьянахъ, по которому въ дѣлахъ по опеку крестьяне руководствуются мѣстными общими обычаями, точно также по ст. 38 относительно порядка наслѣдованія. По нашему праву порядокъ наслѣдованія опредѣляется близостью родства; между тѣмъ въ крестьянскомъ быту, кромѣ этого и степенью труда: кто больше накопилъ, тотъ больше и получаетъ. Примѣненіе обычая допущено по ст. 107 Общ. Полож. о кр., по которой волостнымъ судамъ предоставляется разбирать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Наконецъ въ 25 ст. Врем. Правиль о волост. судѣ опредѣляется: „при рѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“. Далѣе нашъ законъ относительно инородцевъ устанавливаетъ слѣдующее: инородцы управляются по своимъ обычаямъ, и судамъ предоставляется рѣшать дѣла по ихъ обычаямъ относительно пользованія собственностью.

Изъ краткаго историческаго очерка отношенія обычнаго права къ законодательствамъ выясняется уже съ достаточною полнотою то обстоятельство, что законодательство каждаго народа вырабатывается изъ нормъ обычнаго права и обусловливается

¹⁾ Цитовичъ. Лекціи по торговому праву, стр. 88.

естественно-историческими условиями жизни и развития даннаго народа, что заимствование въ сферахъ развитія правовой жизни готовыхъ формъ одного народа у другого, хотя и возможно, въ виду существованія извѣстной степени однообразія въ прогрессивномъ развитіи народовъ, но оно не должно подавляющимъ образомъ дѣйствовать на національный юридическій бытъ народа и его право. Исторія указываетъ намъ много примѣровъ того, на сколько вредно отражается исключительное господство иноземнаго права. Римское право, перенесенное въ Германію ревностными нѣмецкими учеными возникшей въ XII в. глоссаторской школы въ Болоньѣ, получило въ Германіи такое господство и исключительное значеніе, что нѣмецкія легисты, по замѣчанію проф. Богишича, ¹⁾ считали варварскимъ, недостойнымъ вниманія науки, всякій нѣмецкій правовой институтъ, который не подходилъ подъ начала римскаго права. Мѣстные установленія отдѣльныхъ земель были въ ихъ глазахъ лишь уклоненія и неправильности. Благодаря такому направленію, римское право въ началѣ XVI в. одержало полную побѣду надъ національнымъ правомъ, но „съ этою побѣдою, говоритъ Блончли, наука права потеряла очень много своей жизненной силы, мертвѣла все болѣе и болѣе и низошла до безсмысленнаго, но практически удобнаго, примѣненія мертвыхъ и абстрактныхъ началъ. Невыносимый формализмъ, педантство, безвкусіе, рабское подчиненіе римскому праву—вотъ характеристическія черты римской юриспруденціи послѣднихъ вѣковъ въ Германіи“.

Законодательство, которое не обращаетъ вниманія на общественное положеніе народа, становится часто въ противорѣчіе съ народною жизнью. Проф. Богишичъ приводитъ два примѣра такого положенія вещей ²⁾. Въ Далмаціи, говоритъ онъ, шестьдесятъ лѣтъ, а въ Хорватіи двадцать лѣтъ тому назадъ былъ введенъ общій австрійскій сводъ, дѣйствующій до сихъ поръ, но въ Далмаціи, особенно по вопросу юридическихъ отношеній семьи и наслѣдства между крестьянами, составляющими громадное большинство населенія, онъ никогда не вступалъ и не могъ вступить въ жизнь: его должны были игнорировать и народъ,

¹⁾ Богишичъ. О научной разработкѣ Славянскаго права. С.-Пет. 1870 г., стр. 4.

²⁾ Тамъ-же, стр. 14 и 15.

и судьи. Въ Хорватіи и Славоніи само министерство вынуждено было административнымъ порядкомъ пріостановить дѣйствіе тѣхъ частей, которыя находились въ коренномъ противорѣчій съ обычнымъ правомъ крестьянскаго населенія. Нѣчто подобное случилось съ Сербамъ въ княжествѣ при изданіи свода гражданскихъ законовъ. Это изданіе лучше всего характеризуютъ слова одного изъ лучшихъ сербскихъ юристовъ Кристича: „мы страшно погрѣшили, говорилъ онъ, тѣмъ, что усвоили себѣ законъ извнѣ, безъ всякаго вниманія къ народнымъ понятіямъ, обычаямъ и нуждамъ. Законы, взятые извнѣ безъ достаточной ихъ оцѣнки, сдѣлали то, что во многихъ случаяхъ, имѣя законъ, остаемся безъ закона, и народъ, а часто и сами власти не разумѣютъ закона. Отсюда выходитъ, что дѣлаются противузаконія въ то время и тамъ, когда и гдѣ никто не желалъ поступить противозаконно“.

Только путемъ глубокаго и всесторонняго изученія юридическаго быта своего народа можно избѣгнуть печальнаго явленія—созданія законовъ несоотвѣтствующихъ нравамъ и обычаямъ народа. Русская юриспруденція весьма мало сдѣлала для изученія нравовъ и обычаевъ своего народа и ограничивается только изученіемъ писаннаго права. Въ чемъ кроется причина такого направленія нашей юридической науки, мы не будемъ касаться, такъ какъ это не входитъ въ планъ нашей работы, но считаемъ полезнымъ ознакомить читателя со взглядомъ, высказаннымъ по этому предмету проф. Д. К. Мейеромъ: „наука гражданскаго права, говоритъ онъ, не можетъ ограничиться изученіемъ положительныхъ гражданскихъ законовъ. Должно сознаться, однако, что возрѣніе на юриспруденцію, какъ на науку положительныхъ законовъ, у насъ господствующее. И вотъ обстоятельства, поддерживающія это возрѣніе: изученіе положительныхъ законовъ легче, чѣмъ изученіе закона дѣйствительнаго. Изученіе закона дѣйствительнаго требуетъ постояннаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительности, обширнаго знакомства съ жизнью, разоблаченія многихъ юридическихъ отношеній, тайныхъ для постороннихъ лицъ: все это дѣло нелегкое. Поэтому, если существуетъ возрѣніе, что юриспруденція состоитъ въ изученіи положительныхъ законовъ, очень легко поддаться

ему: человекъ очень склоненъ успокаивать совѣсть свою какими-бы то ни было средствами и, видя трудность въ изученіи законовъ дѣйствительности, охотно хватается за мнѣніе, что знаніе положительныхъ законовъ составляетъ науку правовѣдѣнія¹⁾.

Судебно-крестьянскою реформою, введенною по закону 12 Юля 1889 года, должностныя лица и цѣлыя учрежденія поставлены въ прямое, непосредственное отношеніе къ крестьянскимъ судамъ и получили полную возможность всесторонне изучать народное право. Поэтому весьма желательно, чтобы Уѣздныя Съѣзды собирали матеріалы по обычному праву и стремились къ составленію мѣстныхъ сборниковъ по обычному праву, которые должны имѣть весьма важное значеніе въ дѣлѣ отправленія правосудія въ крестьянскихъ судахъ и затѣмъ при составленіи гражданскаго уложенія Имперіи. Судебно-крестьянскою реформою послѣдняго времени ставится на очередь двѣ великія задачи: правильное устройство суда для многомиліоннаго крестьянскаго населенія и нормированіе правовой жизни крестьянскаго населенія на основаніи, не только писаннаго права, но и самобытныхъ началъ обычнаго права русскаго народа, выработавшихся подъ дѣйствіемъ особыхъ естественно-историческихъ условій жизни и развитія народа и отражающихъ индивидуальныя особенности русскаго народнаго духа и генія. Такія задачи могутъ быть достигнуты только при содѣйствіи науки, а поэтому весьма желательно, чтобы въ нашихъ университетахъ въ кругъ юридическихъ наукъ вошелъ-бы и курсъ русскаго обычнаго права. Матеріалы, собранныя правительственными комиссіями, научныя изслѣдованія этихъ матеріаловъ учеными и изслѣдованія по исторіи русскаго права, не смотря на то, что дѣло изученія явленій народно-правовой жизни находится у насъ еще въ зародышѣ, открываютъ уже возможность съ университетскихъ кафедръ знакомить студентовъ съ началами русскаго обычнаго права и съ методами изученія явленій народно-правовой жизни и такимъ образомъ готовить дѣятелей, обогащенныхъ научными знаніями и способныхъ, путемъ научнаго наблюденія надъ явленіями правовой жизни народа, оказать помощь развитію русскаго законодательства.

Многомиліонное крестьянское населеніе и въ настоящее вре-

¹⁾ Мейеръ. Русское гражданское право, стр. 10.

мя еще руководится въ сферѣ частныхъ гражданскихъ отношеній не писанными законами, а правилами, слагавшимися путемъ обычаевъ, во многомъ несогласными съ началами законодательства и ни въ какіе сборники занесенными. Русскому государству предстоитъ великая задача собрать разрозненные нормы неписаннаго права и создать для многомилліоннаго крестьянскаго населенія кодексъ гражданскихъ законовъ. Осуществленію правительствомъ этой задачи можетъ помочь научная дѣятельность юристовъ, которые, путемъ изученія исторіи права, современнаго состоянія обычнаго права и сравнительнаго изученія русскаго обычнаго права съ обычнымъ правомъ другихъ славянскихъ племенъ, должны раскрыть національные принципы русскаго права, какъ основы, какъ краеугольнаго камня всего дальнѣйшаго хода развитія правового быта и законодательства. Поэтому и русская юридическая наука должна стать самостоятельною наукою и обратиться ко всестороннему изученію правовой жизни и юридическаго быта русскаго народа.

Мысль о необходимости для блага и развитія страны своей самостоятельной науки съ такою силою и глубиною изображена нашимъ извѣстнымъ ученымъ И. И. Срезневскимъ, что я и закончу свой очеркъ словами этого ученаго: „она есть, эта русская наука. На нее, какъ на частную долю науки общечеловѣческой, имѣетъ Русскій народъ право столь же исключительное, какъ и каждый другой народъ, сочувствующій успѣхамъ науки, на свою собственную долю. Чѣмъ сильнѣе народъ духомъ, своебытностью, любовію къ знаніямъ, образованностью, тѣмъ его доля въ наукѣ болѣе; но у каждаго народа, не чуждаго свѣта просвѣщенія, есть своя доля, есть своя народная наука. Народъ, отказывающійся отъ нея, съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается и отъ своей самобытности—на столько же, какъ и отказываясь отъ своей доли въ литературѣ и искусствѣ, въ промышленности и гражданственности... Главный долгъ народной науки—изслѣдовать свой народъ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Народная наука въ этомъ смыслѣ есть исповѣдь разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ“¹⁾.

Н. С. Илларионовъ.

¹⁾ И. И. Срезневскій. Мысли объ исторіи русскаго языка, стр. 1.

ЗНАЧЕНІЕ ОБЫЧНАГО ПРАВА ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ.

Уѣздные Съѣзды, призванные закономъ 12 июля 1889 года къ разрѣшенію въ качествѣ апелляціонной инстанціи крестьянскихъ дѣлъ, разсмѣранныхъ волостными судами, на практикѣ встрѣтились съ двумя весьма существенными для волостныхъ судовъ и правовой жизни крестьянскаго населенія вопросами: о примѣненіи обычнаго права волостными судами и объ отношеніи обычаевъ, нормирующихъ правовую жизнь крестьянскаго населенія, къ писаннымъ законамъ.

Обычное право, выработанное народомъ подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ жизненныхъ бытовыхъ условий, заключается въ себѣ общепризнанныя юридическія возрѣнія народа и осуществляется фактически путемъ единообразнаго соблюденія въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Громадное большинство населенія русскаго государства руководится въ сферѣ частныхъ гражданскихъ отношеній не писанными законами, а правилами, слагавшимися путемъ обычаевъ, во многомъ несогласными съ началами законодательства и ни въ какіе сборники занесенными.

Весьма важное значеніе для изученія обычнаго права могутъ имѣть рѣшенія волостныхъ судовъ за прежніе годы, книги

для записки приговоровъ сельскаго схода и книги для записки договоровъ и обязательствъ. Желательно было бы, чтобы означенныя дѣла и книги не только были сохранены, но и сосредоточены въ опредѣленныхъ мѣстахъ, ибо при такихъ условіяхъ открылась бы возможность для лицъ, занимающихся изученіемъ обычнаго права, имѣть непосредственно доступъ къ матеріаламъ, отражающимъ большею частію народныя юридическія воззрѣнія. Законъ 12-го іюля 1889 г. призвалъ къ разрѣшенію крестьянскихъ дѣлъ массу лицъ не крестьянскаго состоянія, именно: предводителей дворянства, уѣздныхъ членовъ суда, почетныхъ мировыхъ судей, городскихъ судей и вемскихъ начальниковъ; отрицательное отношеніе этихъ лицъ къ обычному праву, составляющее, къ несчастью, распространенное явленіе, можетъ разрушить основныя начала юридическаго быта народа, внести въ жизнь крестьянскаго населенія принципы, несвойственные его бытовому и экономическому условіямъ и вредно отразиться на всей жизненной обстановкѣ крестьянскаго населенія.

Въ виду чрезвычайной важности дѣла, мы считаемъ весьма полезнымъ остановиться на разрѣшеніи трехъ вопросовъ: существуетъ ли въ нашемъ отечествѣ обычное право; признаетъ ли законъ за юридическими обычаями силу дѣйствующихъ юридическихъ нормъ; отвѣчаетъ ли обычное право по своему характеру и внутреннимъ достоинствамъ современнымъ условіямъ крестьянскаго населенія и правовой жизни культурныхъ народовъ.

Вопросъ о существованіи обычнаго права, какъ особой системы права, дѣйствующей среди крестьянскаго населенія, разрѣшается въ положительномъ смыслѣ, благодаря богатымъ матеріаламъ по обычному праву, собраннымъ по инициативѣ правительства, и изслѣдованіямъ ученыхъ, разработавшихъ этотъ матеріалъ. Правительство впервые приступило къ изученію юридическихъ обычаевъ, существующихъ въ крестьянскомъ быту, въ сороковыхъ годахъ. На практикѣ въ одной палатѣ государственныхъ имуществъ возникъ вопросъ: имѣтъ ли право солдатъ изъ крестьянъ на наслѣдованіе послѣ своихъ родныхъ. Палата затруднилась разрѣшить этотъ вопросъ

за отсутствіемъ прямыхъ указаній закона и возбудила вопросъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, передъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Управляющій министерствомъ, графъ П. Д. Киселевъ нашелъ, что такого рода дѣла должны рѣшаться по обычаямъ, и вслѣдствіе того въ 1847 году предписано было палатамъ государственныхъ имуществъ по программѣ, составленной министерствомъ, доставить обстоятельныя свѣдѣнія о порядкѣ наслѣдованія и раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ. Свѣдѣнія эти доставлены палатами въ теченіе 1848 и 1849 годовъ изъ 44 губерній. Матеріалы, собранные такимъ образомъ, дали возможность О. Л. Барыкову составить прекрасную статью подъ заглавіемъ: „Обычай наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ“.

Крестьянская реформа 1861 года придала юридическимъ обычаямъ живое практическое значеніе. Съ этого времени собраніемъ и изученіемъ юридическихъ обычаевъ начинаютъ заниматься юристы наравнѣ съ этнографами; появляются программы для собранія обычаевъ, составленныя частными лицами и отдѣленіемъ этнографіи географическаго Общества, а вслѣдъ за ними и весьма цѣнныя работы по обычному праву, изъ которыхъ можно назвать слѣдующія: „Сборникъ народно-юридическихъ обычаевъ Архангельской губ.“ П. С. Ефименко, „Юридическіе обычаи крестьянъ старожиловъ Томской губ.“ — кн. Н. А. Кострова.

Снаряженная географическимъ Обществомъ, этнографическо-статистическая экспедиція въ западно-русскій край по инициативѣ П. П. Чубинскаго обратила серьезное вниманіе на народные юридическіе обычаи, по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ и посвятила этому предмету въ 1872 году VI томъ своихъ трудовъ. Въ этотъ томъ вошли рѣшенія 82 судовъ изъ губерній юго-западнаго края, разработанныя и приведенныя въ порядокъ по гражданскому праву П. П. Чубинскимъ; а по уголовному праву проф. А. О. Кистяковскимъ, причѣмъ тотъ и другой предпослали изложенію рѣшеній волостныхъ судовъ обстоятельныя изслѣдованія: первый подъ заглавіемъ „Краткій очеркъ народно-юридическихъ обычаевъ“, а второй

— „Волостные суды, ихъ исторія, практика и настоящее положение“.

Въ 1872 году по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе доклада министра юстиціи, предпринято было обширное изслѣдованіе положенія волостныхъ судовъ особою комиссіею, состоявшею подъ предсѣдательствомъ сенатора М. Н. Любощинскаго, изъ чиновъ министерства юстиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ. Эта комиссія, изслѣдовавъ въ теченіе лѣта 1872 года положеніе волостныхъ судовъ въ 15 губерніяхъ различныхъ полосъ Имперіи и при томъ не только какъ судебного учрежденія вообще, но и какъ суда по народному обычаю, дала массу матеріаловъ для обычнаго права, заключающагося въ шести томахъ. Въ этомъ обширномъ изданіи помѣщены рѣшенія волостныхъ судовъ за нѣсколько лѣтъ въ различныхъ мѣстностяхъ и кромѣ того свѣдѣнія, собранныя тамъ же при устныхъ разспросахъ самихъ крестьянъ какъ относительно судовъ, такъ и соблюденія ими юридическихъ обычаевъ. Эти матеріалы, изданные комиссіею въ сыромъ и необработанномъ видѣ, стали предметомъ цѣлаго ряда юридическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: „Изслѣдованія народной жизни“ А. Ефименко. Москва, изд. 1884 года; К. Чепурскаго „Къ вопросу о юридическихъ обычаяхъ: устройство и состояніе волостной юстиціи въ Тамбовской губерніи“ въ „Кіевскихъ университет. извѣстіяхъ“ за 1874 годъ; „Народный судъ и народное право“ г. Оршанскаго въ „Журналѣ гражд. и угол. права“ за 1875 годъ, „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“ г. Мухина, Петербургъ, 1888 г. Въ 1877—1879 гг. матеріалы комиссіи по отношенію къ гражданскому праву въ полномъ объемѣ получили систематическую научную обработку въ трудѣ проф. Пахмана „Обычное гражданское право въ Россіи“. Это обширное сочиненіе вышло въ двухъ томахъ, изъ которыхъ первый обнимаетъ: собственность, обязательство и средство судебной защиты, а второй посвященъ семейнымъ правамъ, наслѣдству и опекамъ. Установивъ, такимъ образомъ, ссылкою на массу матеріаловъ и научныхъ изслѣдованій существованіе среди крестьян-

скаго населенія особой системы общаго права, перейдемъ къ вопросу: признаетъ ли законодатель за юридическими обычаями силу и значеніе юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ наравнѣ съ писанными законами?—Составители „Положенія 19-го февраля 1861 года“, при организациі быта новаго сословія свободныхъ сельскихъ обывателей, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, встрѣтились съ такими своеобразными началами юридической жизни, которыя признано было полезнымъ сохранить на будущее время и даже положить до нѣкоторой степени въ основаніе всей реформы освобожденія. Такимъ образомъ за крестьянами были удержаны общинное мірское устройство и особый судъ, руководствующійся въ рѣшеніяхъ подвѣдомственныхъ ему дѣлъ не законами, а обычаями, значеніе которыхъ въ смыслѣ самостоятельнаго источника права устанавливается слѣдующими статьями закона: ст. 38 Общ. Пол. о крестьян. опредѣляетъ: „въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными обычаями“; ст. 107 того же Пол. опредѣляетъ: „если стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ волостной рѣшаетъ дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи такихъ сдѣлокъ, на основаніи обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“; ст. 110 мѣстн. Полож. для губ. Великоросс. опредѣляетъ: „усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающихъ въ томъ дворѣ семействъ и переходитъ къ наслѣдникамъ согласно существующему въ каждой мѣстности общному порядку наслѣдованія“; въ ст. 25 Врем. прав. о волостн. судѣ опредѣляется: „при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“. Такимъ образомъ изъ содержанія приведенныхъ выше статей закона, несомнѣнно явствуетъ, что обычное право въ Россіи признается законами и обязательно должно быть примѣняемо въ волостныхъ судахъ и уѣздныхъ съѣздахъ, какъ апелляціонныхъ инстанціяхъ. Примѣненіе обычаевъ въ волостныхъ судахъ не представляется затруднитель-

нымъ такъ какъ волостные судьи принадлежатъ къ крестьянскому сословію, хорошо понимаютъ его экономическія условія и его міровоззрѣніе и близко знакомы съ юридическими правилами, соблюдаемыми въ сферѣ частныхъ правовыхъ отношеній крестьянъ. Больше затруднительнымъ является при мѣненіе обычнаго права въ уѣздныхъ сѣздахъ, такъ какъ большинство членовъ сѣзда мало знакомы съ условіями мѣстной крестьянской жизни, но и это затрудненіе устраняется тѣмъ, что сѣздъ, примѣняясь къ 120 ст. прав. Уст. къ прав. гр. суд., поручаетъ своимъ членамъ констатировать существованіе мѣстнаго обычая. Распознается обычное право частью непосредственно изъ актовъ его соблюденія, частью же посредственно — изъ достовѣрныхъ показаній старожиловъ о его существованіи. Правительствующій Сенатъ по вопросу о способѣ установленія мѣстнаго обычая высказался въ такомъ смыслѣ, что существованіе того или другаго обычая въ порядкѣ наслѣдованія въ данной мѣстности можетъ быть удостовѣрено сельскими сходами (рѣшеніе 9-го сентября 1887 года за № 3365).

Третій вопросъ: отвѣчаетъ ли обычное право по своему характеру и внутреннимъ достоинствамъ современной жизни крестьянскаго населенія и правосознанію культурныхъ народовъ, разрѣшается у насъ въ литературѣ и жизни диаметрально противоположно: одни видятъ въ обычномъ правѣ собраніе устарѣлыхъ началъ, подчасъ грубыхъ, невѣжественныхъ, и высказываются за замѣну обычнаго права дѣйствующими положительными законами. Сторонники этого взгляда отличаются полнымъ незнакомствомъ съ народною жизнью, ея міровоззрѣніями, экономическими и бытовыми условіями. Люди, близко знакомые съ юридическимъ міровоззрѣніемъ народа, съ его экономическими и историческими судьбами, смотрятъ на обычное право, какъ на систему, вполне отвѣчающую современнымъ бытовымъ и экономическимъ условіямъ народной жизни, обеспечивающую справедливость при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ спорныхъ правоотношеній и служащую выраженіемъ не формальной, а матеріальной правды. Извѣстный юристъ Оршанскій въ своей статьѣ, отличающейся боль-

шимъ научнымъ достоинствомъ: „Народный судъ и народное право“, для характеристики и оцѣнки обычнаго права, какъ матеріальнаго содержанія дѣятельности народнаго суда, производить сравнительное изслѣдованіе нормъ русскаго обычнаго права съ постановленіями нашего официальнаго права и данными судебной практики—съ одной стороны, а съ другой стороны, съ обычнымъ и писаннымъ правомъ другихъ народовъ, и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „русское обычное право во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ довольно стройное цѣлое, выведенное изъ немногихъ основныхъ началъ, и вполне удовлетворяющее понятіямъ и потребностямъ создавшаго его народа. Хъ томъ свода закон. гражд. по своимъ особенностямъ проведенныхъ въ немъ началъ не всегда отвѣчаетъ бытовымъ условіямъ народной жизни, и примѣнять его къ правоотношеніямъ въ народной жизни нельзя безъ нарушения справедливости и хозяйственныхъ интересовъ. Разрѣшеніе многихъ юридическихъ вопросовъ по обычному праву гораздо ближе къ началамъ науки и западныхъ законодательствъ, чѣмъ разрѣшеніе, которое они находятъ въ сводѣ и въ практикѣ общихъ судовъ“.

При такомъ значеніи обычая для правовой жизни крестьянскаго населенія и при распространеніи закона 12 июля 1889 года, о преобразованіи судебной части въ имперіи, уже на многія губерніи, несомнѣнно наступило весьма благоприятное время для лицъ, призванныхъ для служенія народнымъ судамъ, заняться изученіемъ юридическаго быта крестьянскаго населенія и печатать собранные матеріалы по обычному праву. Только при такомъ отношеніи къ дѣлу можно рассчитывать въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени на появленіе въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи систематически составленныхъ сборниковъ обычнаго права, которые, помимо практическихъ цѣлей ознакомленія судей съ обычнымъ правомъ, и въ будущемъ окажутъ большую услугу государству при составленіи гражданскаго уложенія, куда несомнѣнно должны быть внесены и многія національныя юридическія начала.

Харьковскій уѣздный Съѣздъ, при самомъ началѣ своей дѣятельности, приступилъ къ изученію обычая, дѣйствующаго

щихъ среди крестьянскаго населенія Харьковскаго уѣзда и для этой цѣли, при разсмотрѣннн отдѣльнаго гражданскаго дѣла о наслѣдованнн и раздѣлѣ, поручалъ земскимъ начальникамъ констатировать мѣстные обычаи. Разспросами старожиловъ и удостовѣренннми сельскихъ сходовъ земскимъ начальникамъ удалось установить существованнн многихъ юридическихъ обычаевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ. Матерннлы эти располагаются по мѣстностямъ, какъ они собирались, и по отдѣльнымъ рубрикамъ, въ которыхъ обозначены вопросы, подлежащнн разясненнн по обычному праву.

Заканчивая свою замѣтку о значеннн обычнаго права для народнаго суда, не могу не отмѣтить глубоко-печальнаго факта въ нашей русской жизни—это ничѣмъ необьяснимой индифферентности русскихъ университетовъ къ русскому обычному праву. Ученые юристы не избираютъ русскаго обычнаго права предметомъ своихъ изслѣдованнн, не вводятъ его въ науку гражданскаго права и не знакомятъ съ системой русскаго обычнаго права своихъ слушателей. Такимъ образомъ создается странное положеннн вещей: страна получаетъ образованныхъ юристовъ, знакомыхъ только съ писаннымъ правомъ и не имѣющихъ никакого представленнн о русскомъ обычномъ правѣ,—этомъ живомъ источникѣ права, дѣйствующемъ среди значительнаго большинства многомиллноннаго русскаго народа. „Обычныя начала юридическаго быта, говоритъ проф. Пахманъ, должны входить и въ самую науку гражданскаго права. Давно уже отброшенъ взглядъ на науку права, какъ на систему однихъ положительныхъ законовъ: на какомъ бы уровнѣ ни стояли воззрѣнн, выражающнся въ народныхъ обычаяхъ, не могутъ быть они чужды научнаго изслѣдованн, такъ какъ наука не создаетъ явленнн, а изучаетъ ихъ“.

Уѣздный членъ Харьковскаго

Окружнаго Суда *Н. С. Илларионовъ*.

Отдѣльные оттиски изъ Харьковскаго Сборника 1893 года.

Харьковъ. Типографн Губернскаго Правленн.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ОБЫЧНАГО ПРАВА
ВЪ ХАРЬКОВОКОМЪ УЪЗДѢ.

Гл. 1-я.

О ПРАВАХЪ НАСЛѢДОВАНІЯ.

О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда.

О порядкѣ наслѣдованія между нисходящими и супругами и о правѣ сводныхъ дѣтей и пріймановъ на имущество.

(С. Хорошево, Безлюдовской вол.).

1. По смерти отца оставшееся движимое и недвижимое имущество наслѣдуютъ дѣти мужскаго пола, приче́мъ младшій сынъ умершаго остается жить на отцовской усадьбѣ.

2. Дочери, при наличности братьевъ (сыно́вей умершаго), наслѣдницами не считаются.

3. Дочери, которыя невыданы въ замужество при жизни наслѣдодателя, отъ котораго всегда получаютъ что-либо изъ движимости въ приданое и тѣмъ самымъ выдѣляются,—живутъ при братьяхъ до выхода въ замужество и вправѣ требовать отъ братьевъ дачи приданаго (скрѣню, кожухъ, телку и пр.), по мѣрѣ средствъ и возможности послѣднихъ.

4. Если сестра-дѣвушка не пожелаетъ жить при братѣ, то и не вправѣ требовать отъ него приданаго при выходѣ замужъ.

5. При отсутствіи у наслѣдодателя дѣтей мужскаго пола, ихъ мѣсто въ порядкѣ наслѣдованія заступаютъ дѣти женскаго пола и то лишь по отношенію къ усадьбѣ и движимости. На усадьбѣ родительской дочери живутъ до смерти, надѣловъ же (пахотныхъ, сѣнокосныхъ и проч. угодій) не получаютъ.

6. Если изъ нѣсколькихъ дочерей (при отсутствіи у наслѣдодателя наслѣдниковъ мужск. пола — сыно́вей, внуковъ и т. д. и въ мужской линіи), однѣ остаются жить на усадьбѣ умершаго, а другія почему-либо уходятъ съ „батьковщины“, то эти послѣднія получаютъ по наслѣдству только части изъ имущества движимаго, но усадьбы или денегъ за нее не требуютъ.

7. Пасынки изъ имущества умершаго отчима получаютъ что-либо (изъ движимости) лишь за труды, если пріобрѣтали въ общее хозяйство; такъ бываетъ при наличности родныхъ сыно́вей наслѣдодателя.

8. При наличности же дочерей, пасынки считаются наслѣд-

никами, но лишь въ томъ случаѣ, если они одного съ умершимъ общества.

9. Дѣти домохозяина, рожденныя отъ разныхъ браковъ его, въ порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ умершаго сравниваются.

10. Приёмныя дѣти вполне приравняются къ роднымъ и на ряду съ этими послѣдними считаются наслѣдниками.

11. Приймаку, не усыновленному, при дѣтяхъ принявшаго мужскаго пола, выдѣляется что-либо изъ движимости, онъ же беретъ и все имъ приобрѣтенное на свои средства, не исключая и построекъ.

12. Незаконнорожденные—не наслѣдники.

13. Въ имуществѣ материнскомъ (движимомъ) преобладающее право наслѣдованія имѣютъ ея дѣти женскаго пола, а при ихъ отсутствіи имущество получаютъ сыновья, но бываютъ случаи уравненія.

14. Къ имуществу мачихи наслѣдниками признаются ея родныя дѣти, но не мужъ и пасынки; этихъ послѣднихъ исключаютъ даже наслѣдники рода мачихи.

15. Вдова—домохозяйка, при 2-мъ выходѣ замужъ, теряетъ пожизненное пользованіе имуществомъ 1-го мужа (движ. и недвиж.) и беретъ съ собой свое приданое.

О порядкѣ наслѣдованія между нисходящими и супругами и о правѣ сводныхъ дѣтей и приймаковъ на имущество.

(С. *Коротичъ.*)

1. По смерти домохозяина и при жизни жены его (вдовы) имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, поступаетъ, и при наличности нисходящихъ обоого пола, въ ея пожизненное пользованіе; то же право имѣтъ и мачиха.

2. Наслѣдниками къ имуществу умершаго являются его сыновья или по праву представительства—внуки.

3. Дочери же при наличности указанной категоріи лицъ—не наслѣдницы, но обладаютъ правомъ жить при братьяхъ на ихъ содержаніи и при выходѣ отъ братьевъ замужъ требовать себѣ приданого изъ движимости по средствамъ братьевъ и принятому обыкновенію. При этомъ брату, у котораго живутъ се-

стры (какъ-бы на сестеръ), причитается нѣкоторый излишекъ въ усадьбѣ, по сравненію съ остальными наслѣдополучателями.

4. Если нѣтъ у наслѣдодателя нисходящихъ мужскаго пола, то въ обладаніе наслѣдствомъ вступаютъ дѣти женскаго пола (въ движимомъ и недвижимомъ); причемъ обыкновенно одна изъ дочерей остается на „батьковщинѣ“ и принимаетъ къ себѣ хозяина-мужа изъ однообщественниковъ, а, при согласіи общества, и изъ постороннихъ крестьянъ. При отсутствіи упомянутого согласія общества, вышедшая замужъ за крестьянина другого общества имѣетъ право лишь на движимость, хотя бы она была единственной наслѣдницей покойнаго отца.

5. Пріемныя дѣти сравниваются въ правахъ и порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ усыновителя съ его дѣтьми родными.

6. Зятя при наличности братьевъ ихъ женъ, въ имуществѣ тестя не наслѣдуютъ.

7. Дѣти единокровныя въ правѣ наслѣдованія послѣ своего отца сравнены.

8. Дѣти единоутробныя—не сравнены. Ихъ въ наслѣдованіи исключаютъ дѣти, присшедшія отъ умершаго домохозяина, оставившаго наслѣдство.

9. Если домохозяинъ, при жизни раздѣливъ сыновей, оставляетъ часть имущества и на свою долю, то эта послѣдняя, по смерти его, идетъ въ общій раздѣлъ.

10. Незаконорожденные не наслѣдуютъ въ имуществѣ ихъ родителей; если же они узаконены послѣдующимъ бракомъ родителей, хотя бы даже только *de facto*,—то наслѣдуютъ и при наличности послѣдующихъ законнорожденныхъ дѣтей.

11. Если дочь, получившая по наслѣдству, за отсутствіемъ братьевъ, имущество отца, взяла себѣ мужа-вдовца съ дѣтьми, то таковыя не наслѣдуютъ этимъ имуществомъ, а получаютъ его дѣти, прижитыя ею.

12. Младшій сынъ наслѣдодателя обыкновенно остается на отцовской усадьбѣ, если дѣлить ее по маломѣрности нельзя.

13. Въ наслѣдованіи материнскимъ имуществомъ (движимости) дочери исключаютъ сыновей даже въ томъ случаѣ, если онѣ состоятъ въ замужествѣ за крестьянами другихъ обществъ.

14. Материнское имущество (движимое) вообще получаютъ ея дѣти родныя, а не пасынки.

Въ д. *Будахъ* Коротичанской вол., придерживаются тѣхъ же обычаевъ со слѣдующими измѣненіями и добавленіями:

Если при отцѣ жилъ одинъ изъ сыновей, похоронилъ его, а при жизни помогаль отцу, то часть, оставленная отцомъ на себя, достается цѣликомъ такому сыну. Материнское движимое имущество дѣлится между дѣтьми обоого пола поровну, а скрыню, подушки и т. п. чисто женскія принадлежности обыкновенно берутъ себѣ цѣликомъ дочери.

Дочь-дѣвица при братѣ можетъ потребовать материнское движимое имущество (приданое), если осталось.

Приемныя дѣти, въ наслѣдованіи, сравниваются съ родными, хотя бы формальности усыновленія и не были соблюдены.

О правѣ на наслѣдство дочери отъ перваго брака и мачихи съ пасынками.

(Сл. *Борщевая*, Липецкой вол.).

Отцовское имущество раздѣляется пополамъ: дочь получаетъ половину, а вдова съ пасынками другую.

О порядкѣ наслѣдованія между родными дѣтьми обоого пола и матерью.

(Сл. *Безлюдовка*).

1. Мать, послѣ смерти домохозяина—мужа ея, живетъ въ усадьбѣ на правахъ полной домохозяйки и распоряжается недвижимымъ и движимымъ имуществомъ, и отъ ея воли вполне зависитъ раздѣлить дѣтей, или нѣтъ.

2. Надѣль при матери, по ея распоряженію, обыкновенно находится въ завѣдываніи сыновей.

3. Дѣти женскаго пола до замужества живутъ въ семьѣ при матери въ общемъ хозяйствѣ, а, когда выходятъ замужъ, тогда мать, обыкновенно по совѣту съ сыновьями, даетъ имъ что-либо изъ движимости въ приданое, на недвижимость же дочери права не имѣютъ.

4. Если въ общее хозяйство, принять былъ зять, который умеръ, а осталась дочь—вдова съ дѣтьми и сынъ, то мать имѣетъ

право выдѣлить дочери изъ движимаго имущества, а недвижность переходить къ сыну.

5. Мать можетъ взять и на себя изъ поступившей въ раздѣлъ движимости, что захочетъ—по смерти, т. е. можетъ, напр.: раздѣлить всю движимость между собой и дѣтьми по равной части.

6. Когда въ хозяйство къ дочери отцемъ или матерью принимается зять, то родители могутъ, при согласіи сыновей своихъ, завѣщать или опредѣлить по сдѣлкѣ принятому зятю, кромѣ движимости, и недвижимое имущество по равной даже части. При несогласіи же сыновей или при малолѣтствѣ ихъ, родители (оба или одинъ изъ нихъ) могутъ по документу опредѣлить зятю лишь изъ движимости до части равной съ ихъ дѣтьми мужскаго пола.

О правѣ бездѣтной вдовы, вышедшей вторично замужъ, на наследованіе имущества перваго мужа.

(Сл. Литцы).

1. Если жена проживетъ съ мужемъ долго, то она должна получить все мужнино имущество, если даже и выйдетъ замужъ вторично, а потомства отъ перваго мужа не останется.

2. Жена, прожившая съ мужемъ нѣсколько лѣтъ, если послѣ него и не осталось наследниковъ, и она вторично выйдетъ замужъ, должна получить извѣстную долю, какъ движимости, такъ и недвижимости.

3. Если семья, которую она оставила, бѣдная, то она, особенно проживши съ прежнимъ мужемъ недолго, беретъ съ собой свое приданое и то, что за это время приобрѣла на себя, а изъ хозяйства ничего не получаетъ. Если семья болѣе состоятельная и она прожила съ покойнымъ мужемъ лѣтъ 10—15, то, сообразно съ числомъ прожитыхъ лѣтъ съ мужемъ, ей выдѣляется часть движимости и недвижимости, не включая сюда усадьбы, переходящей къ родственникамъ покойнаго мужа.

О правахъ „пріймана“ по наследству.

(Сл. Дементьевска.)

По обычаямъ, идущимъ „зъ давнихъ давень“ отъ „батькивъ—дидивъ“, „пріймакъ“, женившись на дочери, или на одной изъ

дочерей семьи, въ которую онъ принять, тѣмъ самымъ приобрѣтаетъ, со временемъ, всѣ права родного сына и при этомъ беретъ на себя нравственное обязательство, скрѣпляемое, впрочемъ, по большей части письменнымъ договоромъ, докормить стариковъ—отца и мать до смерти и похоронить ихъ по христіанскому обряду. Десять лѣтъ, прожитыхъ „пріймакомъ“ въ семьѣ, считается достаточно для приобрѣтенія всѣхъ правъ родного сына. Послѣ смерти стариковъ, онъ становится обладателемъ всего имущества этихъ послѣднихъ: хаты, усадьбы, скота и пр.; въ его пользованіе, кромѣ того, переходитъ надѣлъ покойнаго его тестя. Если „пріймакъ“, проживши нѣсколько въ принявшей его семьѣ, безотчетно распоряжается тестевскимъ имуществомъ, грубо и съ неуваженіемъ относиться къ старикамъ, то дѣло оканчивается обыкновенно тѣмъ, что „пріймакъ“ оставляетъ тестя и идетъ съ женой куда-нибудь на заработки. Въ такомъ случаѣ тесть, смотря по тому, сколько времени съ нимъ прожилъ „пріймакъ“, какимъ онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ, самъ-ли онъ бросилъ или его заставили уйти, выдѣляетъ часть движимаго своего имущества—хлѣбомъ, скотомъ и пр., а на остальное имущество, если у него есть еще дочь, принимаетъ другого зятя, а если дочери нѣтъ—принимаетъ человѣка семейнаго, съ которымъ и заключаетъ такое же условіе, какъ и съ первымъ.

Дочь, при существованіи „пріймака“, въ случаѣ выхода замужъ получаетъ въ приданое ту часть, которая ей обыкновенно назначается при родныхъ братьяхъ: ей даютъ „скрыню“, одежду, и что нибудь изъ „худобы“—телушку, одну или двѣ овцы и пр.

Бываютъ случаи, сравнительно впрочемъ рѣдкіе, что „пріймака“ берутъ въ семью, въ которой есть сыновья, конечно малолѣтніе, неспособные вести хозяйство, въ особенности при старикѣ отцѣ. Въ такомъ случаѣ наслѣдственные права его нѣсколько измѣняются. Пока сынъ или сыновья живутъ вмѣстѣ съ „пріймакомъ“ въ одной семьѣ, всѣ они пользуются и одинаковыми правами: работаютъ, приобрѣтаютъ и все приобрѣтенное идетъ въ общее хозяйство, которымъ они сообща и пользуются. Но при раздѣлѣ между ними, при жизни-ли стариковъ, или по смерти ихъ, сынъ получаетъ изъ всего имущества двѣ

части, а „прыймакъ“ одну; при этомъ сынъ получаетъ и усадьбу, если она небольшая и нѣтъ выгоды ее дробить; „прыймаку“ же, или покупаетъ тесть, или онъ самъ приобретаетъ, или-же ему вырѣзываетъ усадьбу общество, куда онъ и переселяется съ приобретеннымъ у тестя имуществомъ.

О наслѣдственныхъ правахъ: а) племянника въ усадебной землѣ родного его дяди и в) вдовы въ усадебной землѣ покойнаго мужа, при условіи выхода ея замужъ вторично.

(С. *Непокрытое.*)

По смерти мужа, если отъ него не осталось наслѣдниковъ, все его имущество, заключающееся въ усадьбѣ, хатѣ, надворныхъ постройкахъ, скотѣ и проч., переходитъ въ распоряженіе вдовы. Всѣмъ этимъ имуществомъ, равно какъ и надѣломъ, если исправно уплачиваются за него всѣ платежи, она распоряжается самостоятельно. При выходѣ ея замужъ за односельца, у котораго есть свое хозяйство и усадьба, при отсутствіи наслѣдниковъ со стороны покойнаго мужа, она забираетъ съ собою все движимое и недвижимое имущество (хату, сарай она можетъ продать на сносъ или перенести на новое хозяйство). Усадьба же остается въ распоряженіи общества, которое и поселяетъ на ней того изъ односельчанъ, который не имѣетъ осѣлости. Если вдова выходитъ замужъ, при наслѣдникахъ со стороны перваго мужа, то, смотря по тому, сколько она лѣтъ прожила съ этимъ послѣднимъ, ей и выдѣляется соответствующая часть изъ всего имущества,—изъ хлѣба, скота, построекъ и пр., а все остальное также, какъ и усадьба, переходитъ въ распоряженіе наслѣдника.

Если наслѣдникомъ является племянникъ покойнаго ея мужа, то ему и переходитъ усадьба, вдова, вышедшая вторично замужъ, теряетъ свои права на нее.

О правѣ а) вдовы на имущество перваго мужа, если она вышла замужъ вторично, и в) родныхъ и двоюродныхъ братьевъ на имущество бездѣтнаго своего брата.

(С. *К.-Лопань.*)

1. Все движимое имущество, нажитое общимъ трудомъ мужа и жены, послѣ смерти перваго, остается за вдовою; прочее-

же движимое имущество, т. е. составлявшее собственность покойнаго до женитьбы, дѣлится пополамъ между вдовою и братьями покойнаго. Хотя послѣднее имущество приобрѣтено покойникомъ самолично, или получено имъ при раздѣлѣ съ другими сонаслѣдниками на имущество, оставшееся отъ наслѣдодателя, но такъ какъ покойникъ и жена его совмѣстно поддерживали это имущество своимъ трудомъ и капиталомъ, безъ которыхъ оно подлежало-бы хищенію, порчѣ и другимъ видамъ изчезновенія, то и раздѣлено оно должно быть между вдовою и братьями покойнаго.

2. Недвижимая собственность остается за бездѣтною вдовою лишь въ томъ случаѣ, если покойный приобрѣлъ ее покупкою отъ частнаго человѣка, или по приговору отъ общества самолично. Если-же таковую онъ получилъ въ наслѣдство, или-же отъ раздѣла, то она остается въ родѣ, т. е. достается братьямъ.

3. Если отцы двоюродныхъ братьевъ были въ раздѣлѣ и каждый изъ послѣднихъ унаслѣдовалъ отъ нихъ свою часть, то, послѣ смерти одного изъ нихъ, все имущество и усадьба остаются за вдовою (если она бездѣтна), даже и при выходѣ ея замужъ вторично, а двоюродные братья покойнаго не вмѣшиваются въ оставшееся имущество.

4. Если-же отцы двоюродныхъ братьевъ были не въ раздѣлѣ и послѣдніе также жили совмѣсто и въ такомъ-же владѣніи было ихъ имущество, то, послѣ смерти одного изъ нихъ, оставшаяся его часть дѣлится въ половинныхъ частяхъ между вдовою и двоюродными братьями, или ихъ наслѣдниками. Если при этомъ вдова выходитъ замужъ, то съ ея части движимое остается за нею, а недвижимое переходитъ къ двоюроднымъ братьямъ.

О наслѣдованіи земель четвертнаго права боковыми линіями.

(С. Уды).

1. Въ Удянскомъ обществѣ до восьмидесятихъ годовъ существовалъ строгій обычай о невыходѣ земель четвертнаго владѣнія изъ рода; причемъ первоначальнымъ правомъ наслѣдованія пользовались прямые наслѣдники въ нисходящей линіи

мужскаго рода и, если таковыхъ не было, то оно переходило въ боковыя линіи, но все-же мужскаго рода. При отсутствіи послѣднихъ, наслѣдовали уже женщины въ томъ же порядкѣ, т. е. сначала въ нисходящей линіи, а за отсутствіемъ таковыхъ—въ боковой линіи. Затѣмъ съ 80-хъ годовъ этотъ порядокъ наслѣдованія четвертныхъ владѣній нѣсколько измѣнился, а именно: четвертныя земли стали переходить сначала въ нисходящей линіи въ томъ-же порядкѣ половъ, т. е. къ сыновьямъ и, только при отсутствіи ихъ, къ дочерямъ, а затѣмъ уже, когда ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ, то въ боковыя линіи, опять таки отдавая предпочтеніе наслѣдникамъ мужскаго пола въ этой линіи. Наслѣдники четвертныхъ владѣній всѣхъ половъ и линій имѣютъ право оставлять ее за собой даже при переходѣ въ другое общество. Порядокъ владѣнія этого рода землею приравненъ къ частной собственности, на которую владѣлецъ ее можетъ выдать духовное завѣщаніе по своему усмотрѣнію, но разъ такового не существуетъ, то четвертное владѣніе остается въ родѣ, безразлично будутъ-ли наслѣдники со стороны мужскаго пола, или женскаго, лишь бы земля не выходила изъ поколѣнія родоначальника, пріобрѣтшаго ту землю съ незапамятныхъ временъ. Постройки, находящіяся на четвертныхъ земляхъ, составляютъ принадлежность того, кто ихъ строилъ, или его наслѣдниковъ.

О правѣ мачихи наслѣдовать имущество мужа при пасынкахъ.

(С. Уды).

До 80-хъ годовъ мачиха наслѣдовала изъ движимаго имущества покойнаго мужа отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{3}$ оставшагося имущества въ зависимости отъ числа лѣтъ, прожитыхъ вмѣстѣ съ покойникомъ и отъ возраста мачихи, т. е. отъ возможности къ вторичному выходу ея замужъ. Теперь признается право мачихи на часть движимаго имущества покойнаго мужа, при пасынкахъ, не выше $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ части его, при условіи совместной жизни съ покойникомъ не менѣе 5 лѣтъ. По народнымъ правиламъ, дѣвка никогда не пойдетъ замужъ за вдовца, а если и пойдетъ, то непременно за богатаго и при этомъ выговоритъ себѣ у него часть еще до замужества.

О наслѣдованіи земельныхъ надѣловъ въ боковой линіи при условіи, если по смерти отца не осталось сыновей, но есть дочь, вышедшая замужъ за односельчанина.

(С. Дементьевка).

Если отъ отца осталась дочь, а нѣтъ сыновей, то вдова, если она не выходитъ замужъ, а остается на усадьбѣ мужа, можетъ, если пожелаетъ, оставить за собой и земельный надѣлъ его, съ обязательствомъ, конечно, оплачивать всѣ лежащія на немъ платежи; къ дочери же, по достиженію ею совершеннолѣтія, она можетъ принять зятя, „дриймака“, которому переходитъ въ пользованіе и надѣлъ покойнаго его тестя. Но если, по смерти мужа, вдова, имѣющая дочь, выходитъ замужъ въ другую семью, а у мужа имѣются братья, то въ такомъ случаѣ она, оставляя старую усадьбу, лишается права пользоваться и надѣломъ, который съ этого времени переходитъ въ распоряженіе братьевъ покойнаго мужа. Равнымъ образомъ и дочь ея, вышедшая вмѣстѣ съ матерью изъ первоначальной семьи и потерявшая черезъ это связь съ этой семьей, при выходѣ замужъ также лишается права на полученіе въ свое пользованіе надѣла своего отца.

О наслѣдованіи сыновьями частью, оставленною при раздѣлѣ наслѣдодателемъ въ своемъ пользованіи.

(С. Пересыное).

1. Часть, оставленная отцемъ, при раздѣлѣ сыновей, на себя, переходитъ разнo: къ одному сыну, поровну, въ неравныхъ частяхъ,—въ зависимости отъ воли отца, который распределяетъ оставленную часть между сыновьями „за живота“, т. е. при жизни.

2. Если отецъ умеръ, не сдѣлавъ распоряженія объ оставленной на себя части, то сыновья дѣлятся этой частью только въ такомъ случаѣ, если платили платежи за эту часть поровну и похоронили отца на общія средства, въ противномъ случаѣ часть эта переходитъ къ тому изъ сыновей, у котораго отецъ жилъ, кто платилъ за эту часть платежи и похоронилъ отца.

О наслѣдственныхъ правахъ сводныхъ дѣтей и приписанныхъ къ семьѣ.

(Д. Федоровка, Вертѣев. вол.).

1. Сводные братья,—т. е. братья разныхъ отцовъ и матерей. когда вдова съ сыновьями вышла замужъ за вдовца съ сыновьями,—наслѣдуютъ каждый въ своемъ имуществѣ, т. е. одни въ материнскомъ, а другіе въ отцовскомъ.

2. Сводныя сестры, если есть недвижимая собственность у матери и отца, при отсутствіи сыновей, наслѣдуютъ на такомъ же основаніи, какъ и сводные братья; если нѣтъ движимаго имущества, то дочери сводныя при братьяхъ не наслѣдницы, а выдаются замужъ онѣ одинаково съ родными изъ хаты отца, сообразно состоянію. Сводныя считаются близкими родственниками и вступленіе въ бракъ возможно развѣ только въ 3 или 4 колѣнѣ.

3. Приписанные къ семьѣ признаются наравнѣ съ дѣтьми законными и тѣмъ же порядкомъ наслѣдуютъ.

О правѣ наслѣдованія недвижимымъ имуществомъ въ боковой линіи.

(Сл. Панъ-Ивановка, Рогозянской вол.).

1. Сводные („сведеные“) братья наслѣдуютъ въ своей отцовщинѣ; сынъ отъ вдовы не наслѣдуетъ въ имуществѣ вдовца, у котораго осталась дочь; но если отецъ, распредѣливъ при жизни, препоручилъ имущество сводному сыну, то послѣдній дѣлается полнымъ хозяиномъ и отдаетъ замужъ сводную еестру.

2. Сестра при братьяхъ не наслѣдница, какъ въ движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ, т. е. въ постройкахъ, полевыхъ надѣлахъ и прочихъ угодьяхъ.

3. Послѣ умершаго бездѣтнаго брата наслѣдуетъ вдова до выхода въ замужество; если не осталась вдова, то наслѣдуетъ братъ во всемъ имуществѣ, въ томъ числѣ и полевыхъ надѣлахъ. Случаевъ наслѣдованія полевыми надѣлами послѣ дядей племянниками въ обществѣ не было. Постройками дядей наслѣдуютъ всѣ оставшіеся въ живыхъ родственники, въ томъ томъ числѣ и его племянницы.

4. Отецъ, женившись на вдовѣ съ дочерью, даже имѣя своихъ законныхъ наслѣдниковъ, выдаетъ дочь вдовы замужъ изъ своей хаты и снаряжаетъ, т. е. даетъ приданое изъ своего имущества, какъ родную дочь.

О наслѣдованіи сводныхъ дѣтей и незаконнорожденныхъ.

(С. *Пересъчное*).

1. Сводные наслѣдуютъ каждый въ своей отцовщинѣ.
2. Отецъ обязанъ выдать замужъ сводныхъ дочерей изъ своей хаты и прилично снарядить, если онѣ работаютъ на его семью.
3. Сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ въ отцовщинѣ, а братья обязаны выдать ихъ замужъ изъ отцовской хаты и прилично снарядить.
4. Дочери въ „материзнѣ“ относительно движимаго и недвижимаго имущества, даже если выйдутъ замужъ, полныя наслѣдницы и даютъ часть братьямъ по своему согласію. При отсутствіи братьевъ, наслѣдуя „материзнину“, онѣ устраняютъ всѣхъ другихъ наслѣдниковъ.
5. Незаконнорожденные, при существованіи законныхъ дѣтей, наслѣдуютъ въ материнскомъ имуществѣ, а законные въ отцовскомъ.
6. Незаконнорожденные не наслѣдуютъ въ имуществѣ мужа ихъ матери, но въ имуществѣ матери, при отсутствіи отцовскаго имущества, наслѣдуютъ незаконныя и законныя дѣти „по братски“, поровну; обыкновенно же мать „за живота“ распределяетъ свое имущество.
7. „Жировыя дѣти“, т. е. дѣти, прижитыя до брака лицами, которыя затѣмъ вступили въ бракъ, признаются наравнѣ съ законными и такимъ путемъ наслѣдуютъ, и при крещеніи обыкновенно записываютъ такихъ дѣтей по фамиліи отца.

О правѣ наслѣдованія отцовскимъ и материнскимъ имуществомъ сводныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей.

(Сл. *Синолищовка*).

1. Дѣти разныхъ матерей и разныхъ отцовъ называются „сведени“. Отецъ обязанъ кормить и содержать сводныхъ дѣтей, но каждый изъ нихъ можетъ искать своей „батьковщины“ и идти туда, откуда пришелъ; сводныя дочери выдаются изъ отцовской хаты, если жили при отцѣ.
2. Сыновья вдовца, приставшаго къ вдовѣ съ дѣтьми, не наслѣдуютъ въ имуществѣ послѣдней, а должны искать „батьковщины“.

3. Пасынки въ имуществѣ мачихи наслѣдники только въ томъ случаѣ, если у послѣдней нѣтъ родныхъ дѣтей и если пасынки докормятъ до смерти и похоронятъ ее.

4. Сводные братья и сестры считаются въ близкомъ родствѣ и бракъ между ними возможенъ развѣ только въ 4 колѣнѣ.

5. Незаконнорожденные обоого пола въ имуществѣ матери, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, полные наслѣдники; въ большинствѣ же случаевъ незаконнорожденные въ имуществѣ своей матери, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, преимущественные наслѣдники передъ законными дѣтьми, которые должны искать своей батьковщины.

6. Незаконнорожденные въ тѣхъ случаяхъ, когда къ матери ихъ присталъ крестьянинъ, неимѣющій своего имущества, при существованіи законныхъ дѣтей, раздѣляются матерью при жизни ея имуществомъ, если же мать не успѣла распределить своего имущества и умерла, то наслѣдуютъ „побратски“, т. е. наравнѣ.

7. Незаконнорожденные въ имуществѣ мужа ихъ матери, при существованіи законныхъ дѣтей, не наслѣдуютъ ни въ движимомъ, ни въ недвижимомъ имуществѣ, хотя случается, что отецъ при жизни, въ тѣхъ случаяхъ, когда законныя дѣти не почитаютъ его и идутъ ему наперекоръ, даетъ часть незаконнорожденному изъ своего имущества, если же не успѣлъ сдѣлать этого при жизни, то законныя дѣти изгоняютъ изъ своей батьковщины незаконнорожденныхъ.

8. Незаконнорожденные отца наслѣдуютъ наравнѣ съ законными въ отцовскомъ и не наслѣдуютъ въ имуществѣ мачихи.

9. „Жировыя“ дѣти, т. е. прижитые до брака, наслѣдуютъ только въ томъ случаѣ, если приписаны установленнымъ порядкомъ къ семьѣ отца и получаютъ его фамилію; если же не приписаны, то обыкновенно отецъ „за живота“ выдѣляетъ имъ часть изъ своего имущества.

10. „Жировыя“ дѣти обоого пола, въ имуществѣ матери, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, наслѣдуютъ вполнѣ и, если приписаны установленнымъ порядкомъ къ семьѣ отца, то наслѣдуютъ наравнѣ съ законными, если же не приписаны, то наслѣдуютъ, какъ незаконнорожденные.

О правѣ наслѣдованія законныхъ, незаконнорожденныхъ и сводныхъ дѣтей.

(Сл. *Омшана*).

1. Сестры при братьяхъ не наслѣдницы въ отцовскомъ имуществѣ, а также не наслѣдницы и въ материнскомъ недвижимомъ и движимомъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и даже всегда мать при жизни „росписываетъ“ свое имущество и согласно этой записи дѣти производятъ раздѣлъ; братья и въ этомъ второмъ случаѣ обязаны только выдать сестеръ замужъ, сообразно состоянію.

2. Сестры, невышедшія замужъ, какъ и калѣки, должны жить при братьяхъ, которые обязаны кормить ихъ и одѣвать, причемъ отцовская хата и усадьба, если братья не хотятъ кормить незамужнихъ сестеръ и калѣкъ переходятъ къ этимъ послѣднимъ, а братья должны выйти изъ отцовской хаты и усадьбы, а затѣмъ отцовская хата и усадьба остается за тѣмъ, кто условился докормить до смерти незамужнюю или калѣку и это обязательство выполнить.

3. Незамужнія сестры при братьяхъ и калѣки при братьяхъ не имѣютъ права на полевые надѣлы, которые всецѣло переходятъ къ братьямъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ находятся люди, которые за усадьбу и хату соглашаются докормить до смерти незамужнихъ и калѣкъ.

4. Сводные братья (если вдовець съ сыномъ женится на вдовѣ съ сыномъ) наслѣдуютъ каждый въ своей отцовщинѣ, точно также и сводныя сестры; сводный братъ обязанъ выдать замужъ сводную сестру изъ отцовской хаты и снарядить прилично состоянію, какъ-бы родную сестру; если у умершаго мужа осталась дочь, а у умершей жены сынъ, то наслѣдницею полною является дочь, а сводный ея братъ уходитъ искать своей батьковщины.

5. Приписанные къ семьѣ наслѣдуютъ вполнѣ, если нѣтъ законныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ и даже всегда приписываютъ только тѣ, у кого нѣтъ законныхъ дѣтей.

6. Приймакъ наслѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если общество дастъ согласіе на передачу имущества приймаку и совершенъ документъ въ волостномъ правленіи.

7. Незаконнорожденные числятся за матерью и принадлежать къ тому обществу, къ которому мать,—даже если-бы мать вышла замужъ въ другое общество; мать обыкновенно передаетъ свое имущество незаконнорожденному по документу, если же имущество, т. е. земля, не находилось въ пользованіи матери, то незаконнорожденные не имѣютъ права требовать отъ общества земли, но если земля была въ пользованіи матери, то послѣдняя можетъ передать по документу землю незаконнорожденному. Въ большинствѣ случаевъ мать по документу распределяетъ свое имущество между своими законными дѣтьми и незаконными.

8. Сводные признаются близкими родственниками и бракъ между ними можетъ быть только въ 3 колѣнѣ.

9. Единоутробныя дѣти наследуютъ каждый въ своей батьковщинѣ.

10. Единокровныя дѣти признаются равными наследниками въ отцовщинѣ.

О наследованіи между супругами и нисходящими движимаго и недвижимаго имущества и о „прймакѣ“.

(Сл. *Непокрытая* и *Веселое*).

Въ каждой крестьянской семьѣ есть извѣстный составъ домашняго имущества, часть котораго считается какъ бы достояніемъ матери и носить названіе „материзны“, а другая часть—достояніемъ отца и носить названіе „батькивщины“. Кроме того, каждая семья располагаетъ однимъ или нѣсколькими душевыми надѣлами, которые, вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ, и даютъ извѣстную экономическую устойчивость семьѣ. Пока семья живетъ нераздѣльно, какъ говорятъ, „у купи“, все имущество считается общимъ: каждый членъ семьи вноситъ въ общее хозяйство свой трудъ, общими усиліями приобрѣтается все необходимое для жизни и хозяйства, и нѣтъ разграниченія, что то принадлежитъ одному, а то другому, хотя между имуществомъ матери—„материзною“, и имуществомъ отца—„батькивщиною“ и въ этомъ случаѣ устанавливается извѣстная раздѣляющая ихъ черта, которая обозначается довольно рѣзко при раздѣленіи семьи на части, и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда каждому изъ ея членовъ, въ силу тѣхъ или иныхъ

семейныхъ или экономическихъ условій, приходится отстаивать то, что перешло ему по наслѣдству или приобрѣтено личнымъ трудомъ. Дѣвушка, выданная замужъ и получившая въ приданое „скрыню“ съ необходимой женской одеждой, а отъ отца корову или телушку,—что чаще всего бываетъ, считаетъ это своимъ достояніемъ, и вмѣшательство мужа въ это имущество извѣстнымъ образомъ ограничивается; онъ, напр., не имѣетъ право ничего изъ этого имущества продать, не получивши предварительно на то согласія жены. Имѣя у себя полученную въ приданое отъ отца корову, она можетъ заниматься продажей такихъ продуктовъ, какъ молоко, сыръ и пр., считая же вырученныя такимъ образомъ деньги своими—дѣлать маленькія сбереженія и на нихъ приобрѣтаетъ что-либо, относящееся къ будущему приданому дочери, и никому до этихъ тратъ и приобрѣтеній нѣтъ дѣла; въ этомъ видна ея забота о дочеряхъ; отецъ же тѣмъ временемъ заботится о сыновьяхъ и объ ихъ обезпеченіи.

По смерти отца, если семья остается нераздѣльной, имущество также точно считается пока общимъ; но отецъ передъ смертію обыкновенно дѣлаетъ распоряженіе относительно всѣхъ членовъ семьи, въ томъ числѣ и жены, опредѣляя ей что-нибудь изъ общаго хозяйства, напр., назначаетъ ей часть хлѣба, что-нибудь изъ скота и пр. При раздѣлѣ все это *вдова* и получаетъ, независимо отъ того, что внесено ею въ хозяйство, какъ приданое, что вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ ей безъ всякаго участія въ долѣ этого имущества со стороны другихъ членовъ семьи. Если при матери—*вдовѣ* остается, напр., два сына, то при раздѣлѣ между ними отцовскаго имущества пополамъ, мать получаетъ по равной части отъ одного и другого, что составляетъ обыкновенно одну треть. Такъ какъ одинъ изъ сыновей въ такихъ случаяхъ идетъ на отдѣлъ, а другой остается при матери, то ея доля и остается при этомъ сынѣ, который на случай ея смерти и наслѣдуетъ эту долю.

Послѣ смерти мужа, неоставившаго потомства, жена-вдова наслѣдуетъ всѣмъ имуществомъ, въ томъ числѣ и надѣломъ, если она его оплачиваетъ. Но это только въ томъ случаѣ, если она остается вдовой и живетъ на усадьбѣ мужа. По смерти та-

кой бездѣтной вдовы, если есть наслѣдники, какъ со стороны ея, такъ и со стороны покойнаго мужа, все имущество переходитъ въ родъ этого послѣдняго. Но при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, по духовному завѣщанію она можетъ передать все имущество и въ свой родъ, или даже совершенно постороннему или вообще тому, кто досмотритъ ее до смерти; въ этомъ случаѣ она можетъ, минуя родъ мужа, передать ему даже усадьбу и надѣлъ. Такимъ обыкновенно является „пріймакъ“ или усыновленный.

Вдова бездѣтная, вышедшая замужъ въ другую семью, имѣетъ право продать всё, что осталось послѣ мужа въ хозяйствѣ, не исключая и хаты; усадьба-же и надѣлъ переходитъ или въ распоряженіе свекра, или его сыновей, или, если этихъ родственниковъ не оказывается—въ распоряженіе общества, которое и передаетъ ихъ кому-либо изъ своихъ членовъ. Впрочемъ, если мужъ пожилъ съ женой недолго—годъ, два, три, и жена, похоронивши его, вскорѣ выходитъ замужъ въ другую семью, то въ этомъ случаѣ ей дается только часть движимости, заключающаяся въ хлѣбѣ, скотѣ и пр., всё же остальное, а также усадьба съ хатой остается за свекромъ или вообще за родственниками мужа. Положеніе вдовы въ имущественномъ отношеніи можетъ различнымъ образомъ видоизмѣняться. Изъ всего имущества она вообще наслѣдуетъ движимымъ и въ иныхъ случаяхъ недвижимымъ имуществомъ, усадьба-же переходитъ или обществу, или родственникамъ мужа.

Если въ новой семьѣ крестьянка, вышедшая замужъ, пожила недолго—годъ, два, три, и умерла, не оставивши дѣтей, то приданое ея возвращается назадъ къ ея отцу или матери. Къ приданому этому относится „скрыня“, одежда, подушки и т. п., а если она получила отъ отца или отъ родственниковъ что-либо изъ скота или овецъ (во время „весилля“ зажиточные родственники обѣщаютъ—кто телушку, кто овцу и это носить названіе „дарить“), то и это отбирается назадъ. Бываютъ случаи, что жена при отсутствіи наслѣдниковъ прожить съ мужемъ и дольше, напр., лѣтъ до 10-ти; то и по прошествіи такого значительнаго періода времени приданое ея отбирается, хотя, конечно, не всегда въ такомъ видѣ или составѣ, въ ка-

комъ первоначально вносилось въ хозяйство мужа. По прошествіи-же 10-ти лѣтъ обыкновенно родные умершей ничего не получаютъ. Если-же послѣ умершей остается наслѣдникъ (безразлично—мальчикъ или дѣвочка), то мужъ-вдовецъ все приданое оставляетъ себѣ и родные ея ничего назадъ не берутъ.

По смерти родителей или при жизни ихъ между членами семьи обыкновенно происходитъ дѣлежъ, что обуславливается достиженіемъ совершеннолѣтія, т. е. женитьбой сыновей и выходомъ дочерей замужъ. Если въ семьѣ, положимъ, есть сынъ и дочь, то дочь выдаютъ замужъ и снабжаютъ ее приданымъ и она, начавши самостоятельную жизнь въ новой семьѣ, считается уже выдѣленной, получивши такимъ образомъ что-либо изъ отцовщины и „материзны“; сынъ-же остается на хозяйствѣ отца. По смерти родителей, обязанность пристроить дочь лежитъ на братьяхъ, причемъ изъ общей части они выдѣляютъ ей все то, что она должна бы была получить и отъ родителей; а если братья дѣлятся и она уходитъ къ тому брату, который заводитъсь новымъ хозяйствомъ, то беретъ туда и то, что ей выдѣлено при раздѣлѣ, и въ такомъ случаѣ обязанность выдать ее замужъ лежитъ уже на этомъ братѣ. Послѣ смерти матери „материзна“ остается въ пользу дочери. Послѣ смерти отца, отдѣленный сынъ, если только не было особаго духовнаго завѣщанія, изъ имущества отца ничего не получаетъ: имущество это переходитъ къ остававшемуся при немъ сыну, на обязанности котораго лежало досмотрѣть его въ старости и похоронить. Одинъ изъ братьевъ, при жизни-ли отца или послѣ его смерти, ходатайствуетъ передъ обществомъ о надѣленіи его усадьбой. Покупки тутъ, конечно, никакой не бываетъ, а все ограничивается тѣмъ, что наиболѣе вліятельнымъ членамъ общества ставится „могорычъ“. Это обыкновенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда усадьба, на которой живетъ семья слишкомъ тѣсна и на ней не можетъ умѣститься хозяйство двухъ раздѣляющихся семействъ. Вообще забота о приобрѣтеніи усадьбы для сына при жизни отца лежитъ на этомъ послѣднемъ, причемъ, если онъ имѣетъ средства, какъ говорятъ „заможный“, то усадьбу такую онъ можетъ приобрѣсть покупкой заблаговременно и на ней ставить прежде всего хату, которая стоитъ

иногда годъ, два и больше, пока дождется новаго своего жильца, а потомъ, по мѣрѣ возможности, строятся и другія постройки, причеиъ капиталъ, затраченный на приобрѣтеніе усадьбы, постройку хаты и пр.—что отдѣлившійся сынъ на новомъ мѣстѣ будетъ имѣть, приблизительно уравнивается съ той долей всего этого, которая досталась сыну, оставшемуся при отцѣ. Имуществомъ отца, доставшимся на его долю, наследуетъ сынъ, досмотрѣвшій его до старости и похоронившій его, а если отецъ умеръ, пока братья жили въ общей семьѣ, то все имущество отца они дѣлятъ пополамъ.

Если родители имѣютъ двухъ дочерей, то къ одной изъ нихъ они обыкновенно принимаютъ зятя, такъ называемаго „прыймака“, а другую выдаютъ замужъ въ чужую семью. Если дочери при жизни отца и матери оказались непристроенными, то, въ случаѣ малолѣтства ихъ, какъ къ нимъ, такъ и къ имуществу назначается опека, а по достиженіи ими совершеннолѣтія, имущество это, заключающееся въ скарбѣ, хлѣбѣ, надворныхъ постройкахъ и пр., дѣлится между ними поровну. Если одна изъ дочерей была выдана замужъ при жизни отца и матери, а другая была малолѣтняя, имущества-же оставшагося послѣ смерти ихъ оказалось значительно больше того, сколько получила старшая сестра въ видѣ приданаго, то, за выдѣломъ того, что получила на свою долю эта послѣдняя, меньшей сестрѣ,—все остальное имущество дѣлится между сестрами поровну. Вообще-же, чаще бываетъ, что старшая сестра изъ отцовскаго имущества получаетъ меньшую долю, и это потому, что она шла отъ родителей и не испытывала того сиротства, которое выпало на долю меньшей ея сестры. Усадьба и надѣль, оставшіеся послѣ смерти отца, если въ семьѣ не было „прыймака“, дочерямъ не переходятъ, а остаются въ распоряженіи дядей и другихъ родственниковъ, а если такихъ не оказывается, то поступаютъ въ пользу общества. Но такъ бываетъ, впрочемъ, рѣдко: напротивъ, можно считать общимъ правиломъ, что, при отсутствіи сыновей, дочь, или одна изъ нихъ, принимаетъ къ себѣ на отцовщину (мужа—зятя), который и распоряжается, какъ усадьбой, такъ и надѣломъ.

Послѣ смерти сына, оставшаго вдову и дѣтей, отецъ и

мать ничѣмъ не наслѣдуютъ, такъ какъ все имущество его остается въ распоряженіи вдовы, на которой лежитъ забота воспитать дѣтей и пристроить ихъ. Если вдова бездѣтная, то, живя отдѣльной усадьбой, она принимаетъ обыкновенно на эту усадьбу „пріймака“; слѣдов., и въ этомъ случаѣ отецъ покойнаго мужа ничего назадъ не отбираетъ. Но если вдова, проживши на усадьбѣ, выходитъ замужъ въ другую семью, то она имѣетъ право продать изъ имущества все, что найдетъ нужнымъ, а остальное забираетъ съ собой; усадьба же остается въ пользу отца или поступаетъ въ его родъ. Если невѣстка—вдова жила въ семьѣ свекра и, оставшись бездѣтной, вышла замужъ, то она беретъ съ собой только приданое,—если прожила годъ, два, три; а если больше, то, кромѣ этого, еще что-нибудь хлѣбомъ, скотомъ и пр., смотря по тому, какъ она поставила себя въ семьѣ, какою была работницей, сколько проработала въ общемъ хозяйствѣ и т. д., а все остальное родители оставляютъ себѣ.

Мать, послѣ смерти дочери, прожившей съ мужемъ недолго и не оставившей дѣтей, забираетъ назадъ все приданое; по истеченіи же 10—15 лѣтъ при тѣхъ же условіяхъ не получаетъ ничего, что бываетъ и въ томъ случаѣ, если послѣ дочери остался какой-нибудь наслѣдникъ—безразлично—сынъ или дочь.

„*Пріймакъ*“ берется или въ ту семью, гдѣ есть дочери, а нѣтъ сыновей, или хотя и есть сыновья, но еще несовершеннолѣтніе, а между тѣмъ у отца такое хозяйство, что требуетъ постоянной помощи; или же, наконецъ, при отсутствіи, какъ сыновей, такъ и дочерей, отецъ и мать, желая имѣть опору подъ старость, и, чтобы то имущество, которое ими приобрѣталось въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, было кому передать, не пошло, какъ говорятъ, „марно“,—принимаютъ къ себѣ готовую уже семью, т. е. челоѣка уже семейнаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ между „пріймакомъ“ и представителемъ семьи, въ которую онъ вступаетъ, происходитъ временное соглашеніе, выражающееся въ особенности въ послѣднее время извѣстной письменной сдѣлкой, по которой „пріймакъ“ обязывается за передаваемое ему имущество тестя докормить его до смерти и похоронить, а при жизни относиться къ нему съ уваженіемъ. Въ домашній этотъ актъ вносятся и другія обязательства, обу-

словливающія взаимныя отношенія сторонъ. Нарушенія этихъ обязательствъ съ той или другой стороны порождаютъ часто несогласіе и раздоры въ семьѣ, оканчивающіеся подчасъ вмѣшательствомъ волостного суда. Такимъ образомъ, „пріймакъ“, вступая въ ту семью, гдѣ нѣтъ сыновей, а есть дочь, на которой онъ женился, при взаимномъ согласіи, пріобрѣтаетъ права родного сына и, похоронивши стариковъ, наследуетъ всѣмъ имуществомъ ихъ и надѣломъ. Такія права „пріймакъ“ пріобрѣтаетъ и въ томъ случаѣ, если онъ, какъ раньше было замѣчено, вступаетъ въ семью человѣкомъ уже семейнымъ. Бываютъ случаи, что „пріймакъ“ черезъ женитбу вступаетъ въ родство съ такой семьей, гдѣ, кромѣ того, есть и малолѣтній сынъ. Если такой затѣмъ оказывается прилежнымъ въ работѣ, хорошимъ семьяниномъ, если онъ съ уваженіемъ относится къ старикамъ, то онъ и при этомъ условіи пріобрѣтаетъ положеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ положенія родного сына. Отецъ, по достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, дѣлитъ между ними имущество поровну; разница тутъ только въ томъ, что при раздѣлѣ сынъ остается обыкновенно на усадьбѣ отца, а „пріймаку“ строятъ хату, или на той же усадьбѣ, если она обширная, или усадьба пріобрѣтается отъ кого-либо покупкой, или же, наконецъ, усадьбу даетъ общество изъ свободной выгонной земли, причемъ, конечно, не обходится безъ „могорыча“. Но не всегда бываетъ такъ, не всегда взаимныя условія, заключенныя между „пріймакомъ“ и принявшей его семьей, выполняются точно. Если „пріймакъ“ въ такой семьѣ прожилъ недолго и самъ неуживчивостью своего характера подаетъ поводъ къ семейнымъ неурядицамъ, то тесть, удаливши его со двора, можетъ совершенно отстранить его и отъ имущества, причемъ „пріймакъ“ беретъ съ собой только то, что было имъ принесено къ тестю, а жена его свое приданое. „Пріймакъ“, прожившій у тестя дольше, лѣтъ 10—15, беретъ съ собой то, что выпадаетъ на долю его личнаго труда. Если поводомъ къ несогласію и неурядицамъ является неуживчивость тестя, и этотъ послѣдній удаляетъ „пріймака“ изъ усадьбы, на которой тотъ прожилъ годъ, два, то и въ этомъ случаѣ ничего ему не дается. Но если они пожили вмѣстѣ долго, и „пріймакъ“ успѣлъ за это время кое-что пріобрѣсти своими трудами, то, удаляя его изъ усадьбы, тесть дол-

женъ поставить ему хату, дать необходимое въ хозяйствѣ, какъ-то: хлѣба, часть скота и прочей хозяйственной движимости; на мѣсто же его можетъ принять другого, которому и передаетъ все, оставшееся у него имущество.

О правѣ наслѣдованія вдовы и братьевъ наслѣдодателя въ недвижимомъ и движимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ его смерти.

(X. *Сотницкій—Козачекъ*, Одноробовской вол.).

Пока семья живетъ вмѣстѣ—при жизни ли отца, или послѣ его смерти, все имущество считается общимъ, затѣмъ, когда въ семьѣ начинается разладъ или является иная какая либо причина, мѣшающая семьѣ жить вмѣстѣ, между братьями происходилъ дѣлежъ: дѣлается опись всему имуществу, приглашаются отъ 8 и до 10 и 12 человекъ сосѣдей, пользующихся уваженіемъ, дѣлятъ имущество поровну на извѣстныя части и бросаютъ жребій,—кому какая часть выпадетъ, тотъ то и забираетъ. Отъ воли отца (если онъ живъ) зависитъ оставить того или иного изъ сыновей при себѣ, а остальные выдѣляются. Каждый, получившій свою часть, является отъ того времени полнымъ ея распорядителемъ. Затѣмъ, если онъ, проживъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ, померъ, то все его имущество переходитъ вдовѣ, и она уже является наслѣдницей этого имущества, и притомъ полной, независимо отъ того, оставитъ ли покойный мужъ ея наслѣдниковъ, или нѣтъ. Затѣмъ, если она выходитъ замужъ, но при этомъ бросаетъ свой дворъ (чему въ хуторѣ не бывало примѣра) и переходитъ во дворъ второго своего мужа, то свекоръ или его сыновья даютъ ей часть изъ хозяйства: корову, хлѣбомъ и т. п., а остальное остается въ распоряженіи той семьи, изъ которой вышла покойный ея мужъ. Если она остается вдовой и не оставляетъ своего двора, кромѣ того что она является полной хозяйкой въ имуществѣ, она можетъ оставить за собой и надѣлъ покойнаго мужа, при томъ условіи, конечно, если будетъ исправно уплачивать причитающіеся платежи. На надѣлъ этотъ и вообще въ хозяйство свое она можетъ принять кого ей угодно, даже крестьянина изъ другой губерніи; и родъ покойнаго мужа не вправѣ вмѣшиваться въ ея имущество и предъявлять какія либо права на ту или другую часть его.

ПРОГРАММА

для собиранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ.

Гл. I.

Гражданское право.

1.—Право семейственное.

1. Названіе поселенія или волости, національность и разрядъ крестьянъ.

2. Въ какихъ степеняхъ родства и свойства вступаютъ въ бракъ? Чѣмъ руководствуются въ этихъ случаяхъ при опредѣленіи степеней родства и свойства? Какую роль играетъ духовное родство, кумовство, побратимство? Какія въ той или другой мѣстности существуютъ взаимныя отношенія между родственниками и родственниками различныхъ степеней и какими мѣстными выраженіями опредѣляются эти отношенія (девери, зятевья, влазени, шурины, невѣстки, дяди-вщи, золовки, сваты, сватьбы и т. п. названія)? Могутъ-ли пріемыши въ крестьянскомъ семействѣ вступать въ браки съ принявшими ихъ лицами, а равно и съ ихъ дѣтьми?

3. Въ какомъ возрастѣ преимущественно вступаютъ въ браки? Требуется-ли, чтобы между лѣтами жениха и невѣсты не было большой разницы и чтобы женихъ былъ старше невѣсты? Имѣются-ли въ виду при заключеніи браковъ одни хозяйственные соображенія, напримѣръ, недостатокъ въ работникахъ или также личныя качества брачующихся?

4. Какое значеніе имѣетъ для вступленія въ бракъ согласіе родителей и въ какой формѣ оно проявляется? Какое значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи вотчимъ, большакъ, мачиха и другіе ближайшіе родственники? Нужно-ли согласіе на бракъ воспитателей, опекуновъ, попечителей, хозяевъ, мастеровъ? Какое различіе существуетъ между браками, совершаемыми добромъ, т. е. съ предварительнаго и обоюднаго согласія, какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и ихъ родителей, съ соблюденіемъ всѣхъ принятыхъ обря-

довъ и церемоній, и убѣгомъ, т. е. какъ-бы безъ вѣдома родителей невѣсты? Какіе совершаются въ послѣднемъ случаѣ обряды?

5. Какія послѣдствія браковъ, совершаемыхъ дѣйствительно безъ согласія родителей или вопреки ихъ волѣ, безъ ихъ благословенія? Какъ вообще въ крестьянскомъ быту смотрять на такіе браки? Какъ поступаютъ въ этихъ случаяхъ родители? Пользуются ли они въ такихъ обстоятельствахъ предоставленнымъ имъ правомъ жалобы и требованіемъ наказанія дѣтей? Лишаютъ ли родители въ подобныхъ случаяхъ дѣтей своихъ наслѣдства, на что именно указывается въ нашихъ уголовныхъ законахъ? Какія вообще бываютъ послѣдствія для вступающихъ въ бракъ безъ согласія родителей, опекуновъ, воспитателей и т. п. лицъ? Какія вообще послѣдствія убѣга и увоза невѣсты?

6. Если у жениха и у невѣсты нѣтъ отца или матери, или когда они круглые сироты и нѣтъ ни вочима, ни мачихи или другихъ близкихъ родственниковъ, которые могли-бы заступитъ ихъ мѣсто, то кто заступаетъ мѣсто родителей, какія отношенія устанавливаются между посаженными и брачущимися?

7. Бываютъ ли браки не по обоюдному согласію брачущихся, а по соглашенію лишь родителей и даже по принужденію сихъ послѣднихъ? Какое вообще имѣютъ вліяніе подобные браки на семейную жизнь, на нравственность супруговъ и матеріальный ихъ бытъ? Не бываетъ-ли гдѣ либо, чтобы сами общества принуждали молодыхъ людей вступать въ браки?

8. Какого рода предъ совершеніемъ брака заключаются условія (письменныя или словесныя) и по какимъ предметамъ? Какіе при этомъ случаѣ совершаются обряды, и когда и по исполненіи какихъ обрядовъ брачный договоръ считается заключеннымъ?

9. Если женихъ или невѣста отказываются почему-либо отъ вступленія въ бракъ, то не платятся ли въ такихъ случаяхъ за безчестье. На кого падаетъ такая отвѣтственность, на участниковъ сговора или на брачущихся? Какъ поступаютъ, если послѣ сговора женихъ, обезчестивъ невѣсту, оставитъ ее?

10. Какія существуютъ наименованія приданого? Какое значеніе имѣетъ приданое въ общей массѣ семейнаго имущества? Поступаетъ-ли оно въ общую собственность мужа и жены, или-же мужу принадлежитъ — лишь право распоряжаться приданнымъ, или-же, наконецъ, оно составляетъ исключительную собственность жены, безъ всякаго права на то со стороны мужа? Какая участь постигаетъ это приданное имущество по смерти жены; поступаетъ-ли оно въ собственность мужа и дѣтей, или за не-

имѣніемъ дѣтей, въ собственность мужа, или въ домъ мужа, или, наконецъ, возвращается въ ту самую семью или въ тотъ родъ, откуда взята была умершая жена? Вообще-же, составляетъ-ли имущество мужа и жены раздѣльную собственность, какъ это признается по существующимъ у насъ общимъ законамъ, или, напротивъ, составляетъ общую и нераздѣльную собственность супруговъ или цѣлой семьи? Вездѣ-ли существуетъ обычай, по которому доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній (молочныхъ скотовъ, пряжи и т. п.) поступаютъ въ исключительную собственность жены?

11. Какія признаются въ народѣ обязанности между мужемъ и женой? Обязанъ-ли мужъ кормить и вообще содержать жену? Если мужъ бѣденъ, а жена богата, то какія отношенія устанавливаются между ними? Какія работы падаютъ на жену? Если мужъ уходитъ на заработки и жена исполняетъ за него полевые работы, вправе-ли она требовать отъ него вознагражденіе?

12. Бываютъ-ли разводы въ семействахъ крестьянскихъ, по какимъ причинамъ и какъ часто? Расходятся-ли супруги по какимъ либо причинамъ, чтобы вести жизнь раздѣльно, и какія возникаютъ при этомъ послѣдствія въ отношеніи къ дѣтямъ, имуществу?

2.—Юридическое отношеніе членовъ семьи.

13. Какое вообще въ крестьянскомъ быту значеніе семьи: исключительно-ли кровное или хозяйственное, какъ сожитіе по происхожденію или по общему труду, или сложное? Какое значеніе имѣетъ власть старшаго въ семьѣ? Къ кому, по смерти родоначальника, переходятъ его власть и его права—къ старшему-ли брату, или сыну, или дѣду, или дядѣ? Какимъ образомъ передается эта власть—по установившемуся-ли обычаю или вълѣдствіе общаго согласія членовъ семьи или членовъ цѣлаго рода? Въ какомъ видѣ проявляется эта власть старшаго, какъ по отношенію къ лицамъ, составляющимъ семью, такъ и по отношенію къ имуществу, составляющему или общее достояніе семьи, или отдѣльную собственность отдѣльныхъ ея членовъ? Какое значеніе при этомъ имѣетъ заработокъ, добываемый тѣмъ или другимъ членомъ семьи?

14. Какая доля власти принадлежит матери семейства при мужѣ и матери—вдовѣ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, а также по отношенію къ другимъ членамъ семьи? Какое значеніе имѣетъ имущество матери? Куда оно поступаетъ во время ея жизни и по ея кончинѣ?

15. Какія вообще устанавливаются отношенія между супругами по имуществу? Какой порядок обычнаго наследованія супругов?

16. Какія отношенія личныя и имущественныя существуют между родителями и дѣтьми и каковы обязанности родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ? Имѣеть-ли вообще отецъ право отчуждать какую-либо долю изъ имущества, получаемаго отъ предковъ?

17. Наслѣдуютъ-ли родители послѣ своихъ дѣтей? Въ какихъ случаяхъ и къ какому имуществу?

18. Какія устанавливаются отношенія между дѣтьми обоого пола, происходящими отъ одного и того-же брака, между дѣтьми, происходящими отъ разныхъ браковъ (пасынками и падчерицами, единоутробными, единокровными) и какое отношеніе дѣтей законнорожденныхъ къ дѣтямъ, рожденнымъ до брака, родныхъ дѣтей къ усыновленнымъ и приемышамъ? Какія права въ порядкѣ обычнаго наследованія имѣютъ означенныя выше лица въ наследствѣ послѣ своихъ отцовъ, матерей, воспитателей?

19. Какъ народъ смотритъ на незаконнорожденныхъ дѣтей? Чье прозванье носятъ незаконнорожденные дѣти? Каковы права и обязанности незаконнорожденныхъ къ своимъ родителямъ и наследуютъ-ли они послѣ родителей?

20. По смерти старшаго въ родѣ, къ кому переходитъ право распоряженія оставшимся послѣ него имуществомъ (старшему сыну, брату или дядѣ)? Какимъ образомъ раздѣляется имущество между сыновьями по смерти отца, если братья (сыновья умершаго) не желаютъ сохранить общность имущества, т. е. дѣлятся-ли наследство по тягамъ (по числу работниковъ), или по ревизскимъ душамъ, или, наконецъ, по колѣнамъ? Какое участіе принимаютъ въ наследствѣ родительскомъ дочери, воспитанники и приемыши, (какъ мужскаго, такъ и женскаго пола)? Какая доля въ наследствѣ принадлежитъ вдовѣ умершаго? Къ кому поступаетъ имущество жены послѣ ея смерти, если у нея не осталось дѣтей: къ ея мужу или ко всей семьѣ, или къ ея родственникамъ по отцу? Равное или нѣтъ участіе имѣютъ въ наследствѣ родителей братья и сестры единокровныя (происходящія отъ одного отца и разныхъ матерей) и единоутробныя (происходящія отъ одной матери и разныхъ отцовъ)—иначе братья и сестры соединенныя (сведенныши)? Какое участіе принимаютъ въ наследствѣ оставные солдаты, ихъ жены и дѣти? Какое участіе принадлежитъ въ наследствѣ приемышамъ?

21. Наслѣдуютъ-ли родственники боковыхъ линій (сестры, братья, племянники, племянницы, дяди и тетки)? Какому именно имуществу наследуютъ и въ какомъ порядкѣ?

22. Въ какихъ случаяхъ оставшееся послѣ умершаго крестьянина имущество признается выморочнымъ и поступаетъ въ пользу общества? Какія названія употребляются для обозначенія выморочнаго имущества?

23. Какую роль играютъ въ крестьянскихъ семействахъ отставные солдаты, ихъ жены и дѣти? Какое вообще положеніе солдатокъ, мужа которыхъ находятъ не при нихъ, и положеніе солдатокъ—вдовъ?

24. Какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ быту усыновленіе? Кому принадлежитъ право усыновленія? т. е. однимъ ли лицамъ мужскаго пола или также и лицамъ женскаго пола? Какія отношенія устанавливаются между усыновителемъ и усыновленнымъ? Вездѣ ли пріемъ зятя въ домъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ усыновленія? Почему такіе зятя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называются «власени»?

25. Какимъ образомъ совершаются раздѣлы въ крестьянскихъ семействахъ вообще и въ частности отдѣлы дѣтей отъ родителей? Какую часть при этомъ испытываетъ имущество, составлявшее общую собственность семьи? Какіе бываютъ поводы и причины къ раздѣламъ? Какія устанавливаются отношенія между отдѣленными дѣтьми и неотдѣленными, между отдѣленными дѣтьми и ихъ родителями?

26. Какое значеніе въ крестьянскомъ быту имѣютъ духовныя завѣщанія, словесныя или письменныя? Какое имущество можетъ быть предметомъ завѣщательныхъ распоряженій? Въ какихъ случаяхъ совершается духовное завѣщаніе и всегда ли обязательно оно для наслѣдниковъ?

3.—Опека и попечительство.

27. Какое значеніе имѣютъ въ крестьянскомъ быту опека и попечительство, т. е. кто, по обычаю, по смерти одного или обоихъ родителей вступаетъ въ ихъ права какъ въ отношеніи къ попеченію объ личности дѣтей, такъ и въ отношеніи къ попеченію объ ихъ имуществѣ? При этомъ, какія устанавливаются отношенія старшихъ братьевъ къ ихъ малолѣтнимъ братьямъ, дядей къ ихъ племянникамъ, дѣдовъ къ внукамъ и проч.?

28. Какое участіе принимаетъ община въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся по смерти родителей безъ призрѣнія, т. е. какого рода происходятъ распоряженія міревыхъ сходовъ для устройства участи малолѣтнихъ сиротъ? Если бываютъ случаи, что

никто изъ мірянъ не принимаетъ на себя добровольно обязанности воспитанія сиротъ, то на какихъ условіяхъ міръ своею властью отдаетъ кому либо малолѣтнихъ на воспитаніе? Въ случаѣ принятія къмъ либо на себя обязанности воспитателя малолѣтняго, имѣющаго имущество, въ какой формѣ проявляется контроль надъ опекуномъ, на какихъ условіяхъ передается ему имущество опекаемаго, и, при достиженіи послѣднимъ совершеннолѣтія, какъ онъ принимаетъ имущество свое отъ своего опекуна-попечителя? Какое вознагражденіе получаетъ опекунъ за управленіе имуществомъ малолѣтняго сироты? На какой счетъ воспитываются сироты, которымъ родители не оставили по смерти своей никакого имущества; какаго рода бываютъ въ этихъ случаяхъ распоряженія мірскихъ сходовъ?

4.—Владѣніе и собственность.

29. Какія названія существуютъ для обозначенія собственности и владѣнія? Какіе вообще существуютъ способы приобрѣтенія разнаго рода имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ? Когда приобрѣтенное имущество поступаетъ въ общую собственность семьи и когда оно составляетъ отдѣльную собственность членовъ семьи? Не существуетъ-ли обычая, по которому добросовѣстное владѣніе какимъ-либо имуществомъ, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ (по истеченіи давности), обращало-бы владѣніе имуществомъ въ собственность владѣвшаго, напр., владѣющій чужимъ домомъ, чужимъ полемъ въ теченіи многихъ лѣтъ, становится-ли его хозяиномъ—собственникомъ?

30. Какое вообще существуетъ понятіе у крестьянъ о вкладахъ? Кто имѣетъ право искать влады? Кому принадлежитъ найденный кладъ—нашедшему-ли одному, или собственнику земли, или тому и другому и въ какой части? Кому принадлежитъ находка? Какъ дѣлится находка, когда при этомъ было нѣсколько лицъ? Какое вознагражденіе дается найдшему? Какъ вообще смотрятъ крестьяне на находку домашнихъ животныхъ, домашнихъ птицъ, голубей, улетѣвшихъ пчелиныхъ роевъ и т. п.? Какимъ образомъ рассматривается утайка найденныхъ вещей и обязанъ-ли найдшій возвратить вещь хозяину, а послѣдній имѣетъ-ли право этого требовать?

31. Если берегъ рѣки, составляющей собою живую границу, отъ наносимаго водой песка или ила, получить приращеніе, то чьею собственностью считается это послѣднее по народнымъ воз-

зрѣніямъ, и существуетъ-ли въ народѣ понятіе о приращеніи, какъ объ одномъ изъ способовъ пріобрѣтенія собственности? Если рѣка измѣнитъ свое теченіе, то считается-ли границей прежнее русло? Какъ распределяется между прибрежными владѣльцами пользованіе рѣкой или озеромъ, т. е. отъ берега до середины, или какъ-нибудь иначе?

32. Если кто построитъ что-либо на чужой землѣ или посѣетъ, то кому въ такомъ случаѣ принадлежитъ строеніе, посѣвъ, посадка? Если собственнику земли, то обязанъ-ли онъ, и при какихъ условіяхъ, дать вознагражденіе за матеріаль и трудъ?

33. Каковы правила сосѣдскихъ отношеній? Имѣетъ-ли право хозяинъ дома требовать, чтобы сосѣдъ его не дѣлалъ оконъ на его дворъ, не лилъ къ нему во дворъ воды, не дѣлалъ ската кровли и т. д.? Не углубляются-ли въ сосѣдній участокъ и не приклоняютъ-ли постройки къ сосѣднимъ постройкамъ? Не бываетъ-ли изъ-за этого споровъ, доходящихъ до разсмотрѣнія мірскихъ сходовъ?

34. Кому принадлежать деревья, растущія на самой межѣ и не составляютъ-ли они общую собственность сосѣдей? Долженъ-ли владѣлецъ терпѣть вѣтви сосѣдскаго дерева, свѣсившіяся на его землю или корни такого дерева, проросшіе въ землю, или вправѣ обрубать ихъ? Кому принадлежитъ право пользоваться плодами съ вѣтвей, свѣсившихся на чужую землю?

35. Какія существуютъ въ народѣ правила относительно поднятія воды и подтопа чужихъ полей, дуговъ и проч. при устройствѣ плотины или мельницы. Имѣетъ-ли право хозяинъ одного берега рѣки примыкать свою плотину къ берегу другаго хозяина безъ согласія этого послѣдняго?

36. Какія существуютъ у крестьянъ правила и понятія относительно прохода и проѣзда по большимъ и малымъ дорогамъ, улицамъ, проулкамъ, по чужимъ полямъ, а также водянымъ сообщеніямъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ?

37. Какіе существуютъ обычаи относительно водопоевъ въ чужой рѣкѣ, пастбищъ на чужой землѣ и относительно прогона скота? Какія наблюдаются правила относительно пользованія дѣсомъ въ чужихъ дачахъ, по праву вѣзда (для пользованія дровами, валежникомъ, травой, ягодами, бортными угодыями) безвозмездно или за извѣстную плату? Какія существуютъ правила пользованія водой изъ чужихъ колодцевъ и должны ли пользующіеся водой участвовать въ чисткѣ и исправленіи ихъ?

38. Часты-ли между крестьянами случаи общаго владѣнія дви-

жимъ или недвижимымъ имуществомъ, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ обществъ или артелей? И чѣмъ именно владѣютъ сообща (общія мельницы, бани, овины, колодцы, неводы и т. д.) и какой порядокъ пользования и распоряженія общимъ имуществомъ?

39. Какъ происходитъ раздѣлъ общаго владѣнiя? Извѣстно-ли различіе между добровольнымъ и судебнымъ раздѣломъ? Примѣняется-ли къ такимъ раздѣламъ жребій, и въ какихъ случаяхъ?

40. Существуетъ-ли въ данной мѣстности *общинное владѣніе*? Обнимаетъ-ли собой поземельная община одно или нѣсколько селеній и, наоборотъ, не совмѣщаетъ-ли въ себѣ одно сельское общество нѣсколько поземельныхъ общинъ?

41. Вся-ли общинная земля находится въ общемъ пользованіи или какая-либо часть ея раздѣлена между членами общины? Какія названія носятъ составныя части общинной земли?

42. Какъ распредѣляются усадебныя земли? Находятся-ли земля въ подворномъ наследственномъ владѣнiи или-же можетъ подлежать вся, либо часть ея, передѣламъ? Передѣляются-ли дворовыя мѣста? Подвергаются-ли передѣламъ пріусадебныя мѣста и угодья: огороды, конопляники, гуменники и т. п., и одновременно-ли съ передѣлами полей?

43. Какія существуютъ обыкновенія, при общинномъ владѣнiи, относительно раздѣла пахатной земли? Дѣлится-ли она по душамъ или по работникамъ, и въ послѣднемъ случаѣ съ какого возраста дается доля въ мірской землѣ и не прекращается-ли пользование такой долей при наступленіи извѣстнаго возраста? Бываютъ-ли передѣлы пахатной земли, часто-ли и какъ они производятся?

44. При общинномъ владѣнiи подвергаются-ли раздѣламъ и передѣламъ сѣнокосы, или сѣно косится сообща и уже скошенное дѣлится между членами общины? Подвергаются-ли общинныя дѣса раздѣламъ или состоятъ въ общемъ пользованіи?

45. Какія, при общинномъ владѣнiи, существуютъ правила для пользования пастбищами, выгонами и другими угодьями, каковы водопой, рыбныя ловли, каменоломни и т. п.?

46. Не существуетъ-ли обычая, не передѣляя вовсе полей, обрабатывать ихъ сообща всѣмъ міромъ, при чемъ въ раздѣлъ идетъ уже самый урожай? Не соединяются-ли для этой цѣли нѣсколько отдѣльныхъ дворовъ? Какъ смотрятъ крестьяне на принудительную систему общественной запашки?

47. Какія права принадлежатъ домохозяйину относительно пользования отведеннымъ ему участкомъ? Можетъ-ли онъ огораживать свою полосу? Можетъ-ли онъ отступать отъ принятой въ обще-

ствѣ системы хозяйства, и назначаются-ли сходомъ сроки для полевыхъ работъ?

48. Какія права предоставлены домохозяину относительно распоряженія отведеннымъ ему участкомъ? Можетъ-ли онъ отдавать землю въ аренду, закладывать, мѣнять ее и т. п.? Требуется-ли для этого согласіе другихъ членовъ семьи, и вообще считается-ли участокъ, отведенный въ подворное пользованіе, принадлежащимъ лично домохозяину, на имя кого онъ записанъ по акту земельного устройства, или-же общимъ достояніемъ всей семьи, и не имѣетъ-ли въ этомъ отношеніи значенія различіе малой и большой семьи? При отчужденіи земли домохозяиномъ, или при иномъ распоряженіи ею, требуется-ли, и въ какихъ случаяхъ, согласіе міра?

49. Какой соблюдается порядокъ при выходѣ крестьянъ изъ общества? Сдаются-ли ихъ земли обязательно въ распоряженіе міра, и какъ поступаетъ съ ними міръ: передаетъ-ли другимъ домохозяевамъ, или сдаетъ въ аренду, или прибѣгаетъ къ передѣлу земли?

50. На какихъ условіяхъ принимаются въ общину новые члены? Какимъ порядкомъ отводится новымъ членамъ земельный надѣлъ и усадебное мѣсто?

51. Въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою отдѣльныя земельныя общины, принадлежащія къ одному и тому же сельскому обществу или къ разнымъ обществамъ? Не владѣютъ-ли нѣсколько такихъ общинъ какими-либо угодьями сообща, и какія соблюдаются относительно пользованія ими правила?

V.—Договоры и обязательства.

52. Какого рода обыкновенія (напр. переговоры) предшествуютъ заключенію разныхъ договоровъ? Какіе обряды сопровождаютъ заключеніе и совершеніе договоровъ (могарычи или литки, чаепитіе, рукобитье, молитва, ѣда земли и проч.)? Какое они имѣютъ значеніе, и послѣ какихъ изъ нихъ договоръ считается окончательно заключеннымъ? Какъ и въ какихъ случаяхъ совершается рукобитье, напримѣръ, обернутою или голою рукою, съ разниманіемъ рукъ постороннимъ лицомъ и т. п. Служить-ли передача вещи для обозначенія заключенія договора, напр. врученіе повода, узды при куплѣ-продажѣ лошади и т. п.?

53. Какое значеніе при совершеніи договоровъ имѣютъ свидѣтели? Какое число свидѣтелей считается достаточнымъ для засвидѣтельствованія или удостовѣренія сдѣлокъ?

54. Какое значеніе имѣютъ при заключеніи договоровъ задатки? Въ какихъ случаяхъ задатокъ возвращается давшему его, и въ какихъ случаяхъ онъ теряется?

55. Какими способами обезпечивается выполненіе договоровъ и обязательствъ (поручительство, неустойка, залогъ и закладъ)?

56. Какія послѣдствія влечетъ неисполненіе договора тою или другою стороною? Не дѣлается ли различія между договорами объ установленіи какого-либо права на вещь (купля, наемъ имущества и т. п.) и договорами личными (личный наемъ, подрядъ и т. п.), въ томъ смыслѣ, что, въ первомъ случаѣ, неисполненіе одною стороною, не прекращая договора, влечетъ за собою принудительное по суду удовлетвореніе (присужденіе къ выдачѣ вещи или денегъ), а во второмъ—прекращеніе договора, сопровождаемое определеннымъ взысканіемъ съ нарушителя?

57. Какъ часто бываютъ даренія и какого рода имущества преимущественно приобрѣтаются этимъ способомъ? Какія при этомъ случаѣ заключаются письменныя или словесныя условія? Какія соблюдаются формальности? При какихъ условіяхъ даръ поступаетъ въ общую собственность семьи или въ частную отдѣльныхъ ея членовъ? Какого рода обязательства соединяются съ принятіемъ дара? Въ какихъ именно случаяхъ даръ обратно поступаетъ къ дарителю?

58. Съ какого момента договоръ купли считается совершеннымъ, до какого времени можно отказаться отъ покупки или продажи? Что считается принадлежностью покупаемой вещи (напримѣръ, образа при покупкѣ дома, узда при покупкѣ лошади, подошникъ при покупкѣ коровы)? Какія бываютъ условія относительно цѣны и срока уплаты? Нѣтъ ли обычая платить за вещь натурой?

59. Допускается ли обычаемъ продажа крестьянскаго надѣла, на какихъ условіяхъ, и какъ совершаются подобныя сдѣлки? Какъ и на какихъ условіяхъ совершается купля-продажа земли, принадлежащей въ личную собственность? На сколько имѣетъ силу продажа вещей, необходимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и можетъ ли «міръ» уничтожить такую сдѣлку?

60. Извѣстна ли крестьянамъ, кромѣ собственно купли-продажи, запродажа, т. е. договоръ, по которому стороны обязываются совершить сдѣлку купли какой-либо вещи въ извѣстный срокъ, съ означеніемъ цѣны запродаваемой вещи? Извѣстна ли поставка, т. е. договоръ о продажѣ вещи, которой можетъ и не быть еще на лицо, но которая должна быть доставлена въ извѣстный срокъ?

61. Если продана вещь чужая, то вправѣ ли собственникъ

ея требовать безмездной выдачи ея отъ владѣльца-покупщика? Имѣеть-ли, въ такомъ случаѣ, покупщикъ право требовать возврата уплаченныхъ денегъ съ продавца и вознагражденія за убытки?

62. Допускается-ли условная продажа, напр. съ сохраненіемъ для продавца пожизненнаго владѣнія, права обратной покупки и т. п.? Не существуетъ-ли права выкупа для родныхъ и сосѣдей, если продана какая-либо вещь или недвижимое имущество, и какіе сроки для такого выкупа? Не продаютъ-ли старые люди домовъ или вообще имущество съ условіемъ, чтобы покупатель содержалъ ихъ, кормилъ, поилъ до смерти?

63. Часты-ли случаи мѣны недвижимыхъ имуществъ (напримѣръ, мѣна пашенныхъ и сѣнокосныхъ полей, усадебъ, домовъ и проч.)? Какъ совершается мѣна движимыхъ имуществъ, напримѣръ, мѣна лошадей, домашней птицы? Какое значеніе имѣютъ при мѣнѣ такъ называемые барышники? Какіе существуютъ обычаи и предрасудки относительно мѣны разныхъ предметовъ?

64. Какіе существуютъ виды и названія имущественнаго найма, или отдачи имущества въ содержаніе (напримѣръ, аренда пахатныхъ, сѣнокосныхъ и пастбищныхъ земель, рыбныхъ ловель, — наемъ домовъ, построекъ, мельницъ, садовъ, домашняго скота для работы или приплода и т. п.) и какой порядокъ заключенія ихъ?

65. Какія бываютъ послѣдствія неисполненія тою или другою стороною договора имущественнаго найма? Какое вліяніе на договоръ найма имѣеть переходъ отданнаго въ наемъ имущества къ другимъ лицамъ?

66. Какіе предметы даются въ ссуду на подержаніе (домашній и рабочій скоть, земледѣльческія и промысловыя орудія, платье, разныя домашнія вещи и т. п.) въ смѣслѣ предоставленія безмезднаго пользованія движимымъ имуществомъ, съ условіемъ возвратить тоже самое имущество и въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было дано?

67. Какіе извѣстны въ народномъ быту виды поклажи, т. е., отдачи вещей на сохраненіе впредь до востребованія (напримѣръ, ссыпка хлѣба въ чужой амбаръ, поставка хлѣба на чужомъ гумнѣ)?

68. Какъ совершаются займы? Бываютъ-ли займы не деньгами, а вещами, замѣнимыми, т. е. договоры о возвратѣ вещей того-же рода, качества и въ томъ-же количествѣ (заимообразная ссуда)? Какія бываютъ условія относительно уплаты долга? Не оплачиваютъ-ли по договору долговъ работой, вещами, хлѣбомъ и проч.? Бываютъ-ли займы съ условіемъ возвратить долгъ деньгами, либо вещами, или отработать? Кѣмъ опредѣляется цѣна такой отра-

ботки? Совершаются-ли займы на срокъ или безъ срока, и какіе чаще? Нѣтъ-ли обычныхъ сроковъ для уплаты, или дней для собиранія долговъ (напримѣръ, Юрьевъ день, Ильи Пророка)?

69. Бываютъ-ли займы безъ процентовъ? Если проценты берутся, то какъ великъ размѣръ ихъ, и въ какомъ видѣ взимаются проценты, т. е. деньгами, работой, отдачей земли или чѣмъ еще? Вычитаются-ли проценты изъ суммы займа впередъ или взимаются при возвратѣ долга? Не считается-ли грѣхомъ брать большіе и, вообще, проценты? Что считается ростовщицествомъ и въ какомъ видѣ оно практикуется въ народной средѣ?

70. Словесныя обязательства по займу имѣютъ-ли силу передъ крестьянскимъ судомъ, и допускается-ли народными обычаями доказывать существованіе такихъ обязательствъ свидѣтельскими показаніями? Можно-ли доказывать свидѣтельскими показаніями уплату денегъ по роспискѣ?

71. Какія понятія имѣются въ народѣ о личномъ наймѣ? Какъ заключаются договоры объ услуженіи и о работахъ вообще? Какія условія устанавливаются относительно срока найма, наемной платы и т. п.? Каковы отношенія договаривающихся?

72. Считаются-ли договоры личнаго найма вообще обязательными только для договорившихся или они имѣютъ силу и для ихъ наследниковъ?

73. Отличаетъ-ли народъ договоръ подряда (т. е. обязательство совершить съ помощью другихъ лицъ за извѣстное вознагражденіе въ теченіе извѣстнаго времени какой-либо трудъ) отъ договора личнаго найма? Для исполненія какихъ именно работъ нанимаютъ подрядчиковъ (постройки, обработка полей, промыслы, перевозка людей и тяжестей, и т. п.) и какія условія заключенія этого договора?

74. Отличается-ли отдача дѣтей въ обученіе отъ личнаго найма, и на какихъ условіяхъ отдаютъ дѣтей въ обученіе ремесламъ?

75. Существуетъ-ли въ крестьянскомъ быту данной мѣстности обычай помогать другъ другу въ полевыхъ и другихъ работахъ, а также при вывозѣ дѣса для крестьянскихъ построекъ, а въ особенности послѣ пожара, и на какихъ условіяхъ? Какія названія даются такимъ работамъ (помочи, толоки)? Какія вообще отношенія помочанъ къ хозяевамъ?

76. Бываютъ-ли общія помочи, т. е., сперва помогаютъ одному, потомъ другому, третьему и т. д., или помочи по призыву? Помогаютъ-ли за одно угощеніе, или берется еще какое-нибудь вознагражденіе? Какіе бываютъ условія и договоры относительно исполненія работъ общими силами?

77. Какія существуютъ въ данной мѣстности артели или товарищества, напр. для пріобрѣтенія сообща земли, сыраго матеріала на издѣлія, или для производства и сбыта послѣднихъ, или для общаго пользованія заведеніемъ, машиной и т. д., или харчевня (потребительныя) для общаго пользованія столомъ, одеждой, помѣщеніемъ и т. п., или для взаимнаго вспоможенія, страхованія или съ круговою порукой въ смыслѣ отвѣтственности передъ хозяиномъ и т. п.? Не существуютъ ли смѣшанныхъ артелей, преслѣдующихъ разомъ нѣсколько вышеуказанныхъ или какихъ-нибудь другихъ цѣлей? Существуютъ-ли нищенскія артели, а также воровскія?

78. Заключаются-ли особые договоры о составленіи артели или товарищества и притомъ какіе—словесные или письменные? Каково устройство артели? Какъ производится дѣлежъ прибыли и убытковъ? Какъ избирается староста? Какъ наказываются неисправные члены артели?

79. Какимъ способомъ рѣшаются вопросы, возникающіе въ средѣ артели: посредствомъ ли выборныхъ, или артельнымъ сходомъ? Какой порядокъ счетоводства, отчетности и вообще сведенія счетовъ въ артеляхъ? Какой порядокъ вземанія съ членовъ артели въ случаѣ неисполненія договора или условія?

80. Ходятъ-ли крестьяне артелями на заработки? Нанимаетъ ли артель рабочихъ временно или постоянно, и на какихъ условіяхъ?

81. Кто является представителемъ артели въ дѣлахъ тяжбныхъ или въ случаѣ какой-либо отвѣтственности (напримѣръ, по отбыванію повинностей, при взятіи промысловаго свидѣтельства и т. д.)—все ли члены артели, или только староста?

82. Какіе въ народѣ существуютъ обычаи относительно отвѣтственности за убытки, причиненные поправкою полей или иныхъ угодій? Кто несетъ эту отвѣтственность—всегда-ли отвѣчаетъ хозяинъ скота? Бывали-ли случаи, что отвѣтственнымъ лицомъ признавался староста, обязанный смотрѣть за состояніемъ изгородей, или тѣ, на обязанности коихъ лежитъ исправленіе изгороди, или-же каждый оставившій ворота открытыми? Бывали ли случаи приведенія къ отвѣту пастуха со стороны землевладѣльца, или со стороны хозяина скота, если этотъ хозяинъ уплатитъ владѣльцу убытки отъ поправки? Какая, кромѣ поправки, отвѣтственность за убытки, причиненные вообще домашними или иными животными?—

83. Народныя названія, выраженія, пословицы, легенды, пѣсни, примѣты, суевѣрія и т. п., относящіяся до вышеизложенныхъ предметовъ всей программы.

84. Замѣчается-ли вымирание какихъ либо народныхъ правовыхъ обычаевъ, какихъ именно и каковы причины этого? Наблюдается-ли возникновение новыхъ обычаевъ, какихъ и подь вліяніемъ чего?

Гл. II.

Гражданское Судопроизводство.

I.—Устройство народныхъ судовъ и взглядъ на нихъ народа.

1. Каковы понятія народа о судѣ вообще? Долженъ-ли судъ быть правымъ, скорымъ и для всѣхъ равнымъ? Какія существуютъ въ народѣ пословицы, поговорки, сказанія и легенды о судѣ, о правдѣ и кривдѣ?

2. Долженъ-ли судъ, по понятіямъ народа, производиться открыто въ присутствіи постороннихъ, не участвующихъ въ дѣлѣ людей? Въ какихъ мѣстахъ производится судъ, въ какіе сроки и какими сопровождается формами и обрядами?

3. Какія формы въ данной мѣстности обычныхъ народныхъ судовъ? (Судъ стариковъ, судъ сосѣдей, судъ сельскаго схода, судъ братскій, судъ старшинъ и старость). Въ какомъ отношеніи находятся обычные народные суда къ суду волостному.

4. Каковъ порядокъ избранія волостныхъ судей, т. е. шарами, голосами, вставаньемъ и сидѣньемъ и расхождениемъ въ стороны? Какія условія требуются для избранія въ волостные суды (возрость, грамотность, хорошее поведеніе и такъ далѣе)? Могутъ-ли избираться въ волостные суды только домохозяева, или и другіе члены семьи?

5. Бываютъ-ли, въ какихъ случаяхъ и съ какою цѣлью, выѣзды волостныхъ судовъ, напримѣръ, для разбора на мѣстѣ, чтобы не вызывать большаго числа свидѣтелей для осмотровъ спорныхъ участковъ земли, потравы, или другихъ видовъ вреда, убытка и т. п.?

6. Какъ вообще смотрятъ крестьяне на волостные суды, не отдаютъ-ли они предпочтеніе судамъ народнымъ и сельскимъ сходамъ?

2.—Порядокъ производства и рѣшенія судебныхъ дѣлъ.

7. Руководствуются-ли крестьяне при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ на сельскихъ сходахъ и въ народныхъ судахъ вообще исключительно обычаями, или-же прибѣгаютъ, и по какимъ дѣламъ, къ помощи писаннаго закона?

8. Часто-ли бываютъ случаи смѣшенія при судебномъ разбирательствѣ въ волостныхъ судахъ гражданскихъ дѣлъ съ уголовными?

Не кроется-ли причина такого смѣшенія въ особенностяхъ возрѣнія народа на гражданскія правонарушенія и преступленія?

9. Какой порядокъ предьявленія исковъ? Кѣмъ принимаются прошенія и записываются словесныя просьбы?

10. Въ какіе сроки и какимъ способомъ вызываются тяжущіеся въ засѣданіе суда и поскольکو назначается дѣль къ слушанію въ засѣданіе?

11. Кто распоряжается назначеніемъ дѣль къ слушанію? Назначаются-ли дѣла по времени вступленія, или по просьбѣ сторонъ и спѣшности дѣль?

12. Кто наблюдаетъ за порядкомъ въ судебномъ засѣданіи и въ чемъ состоитъ самое разбирательство дѣль? Прочитываютъ-ли сначала прошеніе, словесную просьбу, или предлагаютъ истцу въ судѣ изложить свою просьбу?

13. Допускаются-ли постороннія лица присутствовать при судебномъ разбирательствѣ? Бываютъ-ли засѣданія при закрытыхъ дверяхъ и какія именно дѣла разсматриваются?

14. Допускаются-ли отерочки засѣданія? По какимъ поводамъ дѣляется отерочка и бываетъ-ли она только по просьбѣ тяжущихся или по усмотрѣнію самаго суда?

15. Какъ поступаютъ волостные суды на случай сумасшествія и смерти одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ?

16. Предьявляются-ли въ волостныхъ судахъ встрѣчные иски? Въ какихъ случаяхъ и какимъ порядкомъ?

17. Бываютъ-ли случаи, при производствѣ гражданскихъ дѣль въ волостныхъ судахъ, вступленія и привлеченія третьихъ лицъ интересы которыхъ зависятъ отъ рѣшенія дѣль?

3.—О доказательствахъ.

18. Каковъ вообще взглядъ народа на судебныя доказательства? Какія доказательства допускаются при разбирательствѣ судебныхъ дѣль въ крестьянскихъ судахъ?

19. Доказательства по тяжбымъ дѣламъ представляются исключительно-ли тяжущимися сторонами, или судѣ вмѣшивается въ собраніе доказательствъ?

20. Принимается-ли въ крестьянскомъ судѣ собственное признаніе тяжущихся за доказательство? Имѣетъ-ли одинаковое значеніе признаніе, сдѣланное на судѣ или внѣ суда?

21. Что принимается въ народныхъ судахъ за основаніе при оцѣнкѣ доказательствъ? Требуется-ли для удостовѣренія извѣстнаго факта или обстоятельства опредѣленное число свидѣтелей?

22. По какимъ основаніямъ допускается отводъ свидѣтелей сторонами и въ какихъ случаяхъ самъ судъ устраняетъ свидѣтелей отъ допроса? Какой порядокъ допроса свидѣтелей?

23. Существуютъ-ли у крестьянъ данной мѣстности особые родовые знаки собственности, какъ-то: клейма, пятна, знаменіе, торы, мѣты и тамги и придается-ли имъ въ народныхъ судахъ значеніе доказательствъ?

24. Какъ относятся народные суды къ письменнымъ доказательствамъ или документамъ и придаютъ-ли имъ большее значеніе, чѣмъ показаніямъ свидѣтелей?

25. Какое значеніе имѣютъ въ народныхъ судахъ кресты, клейма на документахъ и такъ называемыя бирки, и служатъ-ли они доказательствомъ по спорнымъ дѣламъ?

26. Бываютъ-ли случаи рѣшенія дѣлъ бросаніемъ жребія и какимъ способомъ оно производится?

27. Рѣшаютъ-ли крестьянскіе суды спорныя дѣла по правилу «рѣхъ пополамъ» и въ какихъ именно случаяхъ примѣняется это правило?

28. Признается-ли въ крестьянскихъ судахъ ссылка на окольныхъ людей (сосѣдей, старожиловъ или всего «мира») за доказательство спорныхъ обстоятельствъ, и по какимъ дѣламъ допускается это доказательство?

29. Какія послѣдствія неявки тяжущихся сторонъ въ судебныя засѣданія? Допускаются-ли заочныя рѣшенія и какой порядокъ ихъ постановленія и объявленія? Часто-ли дѣла оканчиваются миромъ?

30. Какой порядокъ совѣщанія судей въ волостныхъ и другихъ судахъ? Въ какой формѣ и какомъ порядкѣ записываются и объявляются состоявшіяся рѣшенія?

31. Какой существуетъ порядокъ приведенія въ исполненіе рѣшеній крестьянскихъ судовъ? Какой контроль установленъ надъ лицами, приводящими рѣшенія? Сообщается-ли объ исполненіи волостному суду?

32. Чѣмъ отличается прежній народный судъ (въ разныхъ его видахъ) отъ теперешняго и подъ вліяніемъ чего произошли измѣненія?

ЮФ СПбГУ

ковскаго Сборника», за 1893 годъ.

Губернскаго Правленія.